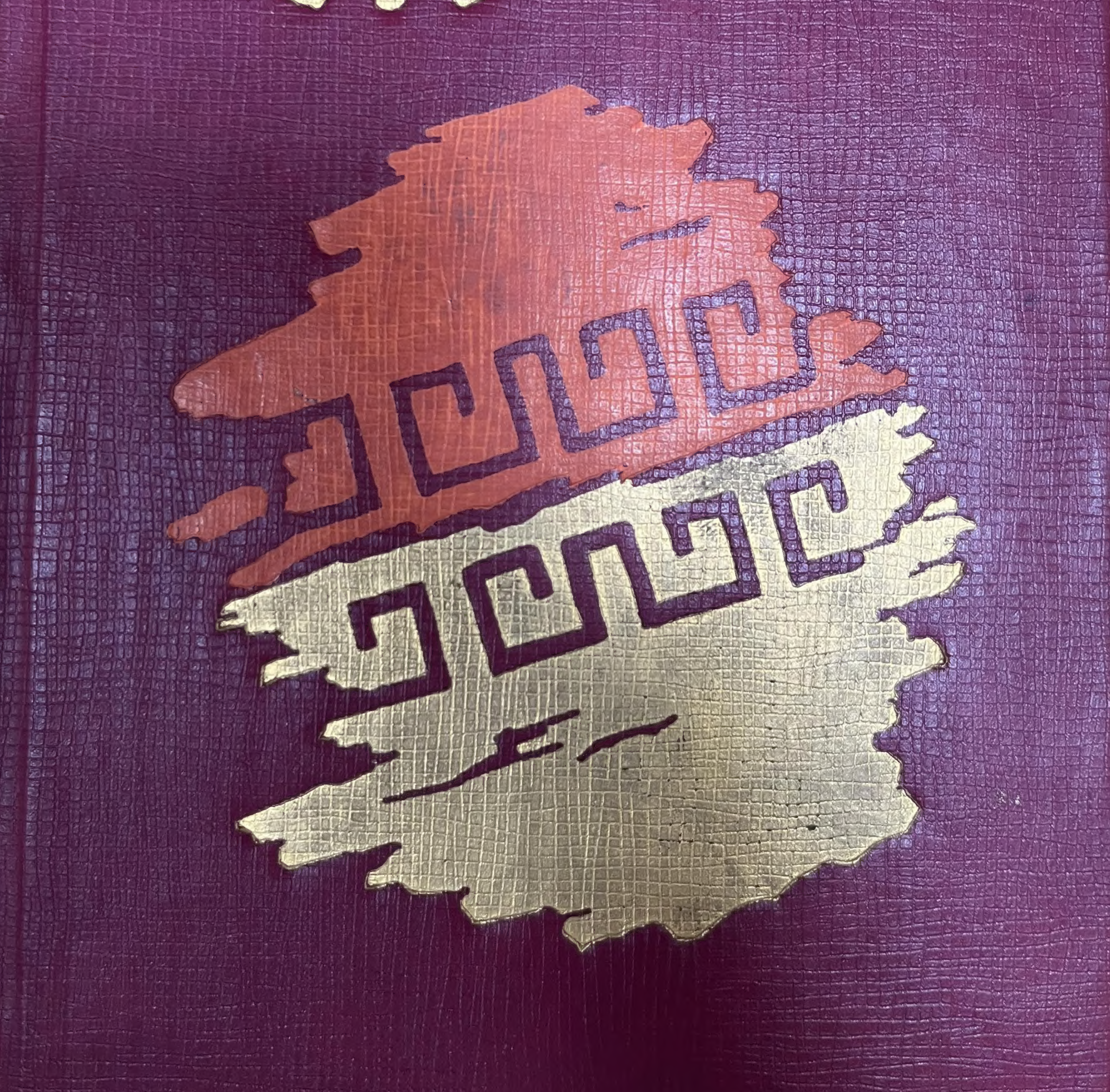
Георгий Костоправ

Здравствуй, жизнь!

Составитель *О. Е. Костоправ*

Костоправ Г. А.

К72 Здравствуй, жизнь!: Стихи, поэмы /Сост. О. Е. Костоправ; Пер. с греч.— Донецк: Донбас, 1989.— 127 с.
ISBN 5-7740-0120-2 (в пер.): 75 к., 2500 экз.

На пути к творческой зрелости трагически оборвалась жизнь талантливого греческого советского поэта Георгия Костоправа. Он стал жертвой культа личности Сталина.

Стихи Г. Костоправа высоко оценивал Максим Рыльский. В книгу с символическим названием «Здравствуй, жизнь!» вошли лучшие стихи из лирики, поэмы «Леонтий Хонахбей», «Ламбос», «Сказка о Волке и Лисе», сатира. Впервые публикуются ранние стихотворения автора, написанные им на русском языке.

К $\frac{4702010202-041}{М213(04)-89}$ 58-89

С(Греч)

ГЕОРГИЙ КОСТОПРАВ

ЗДРАВСТВУЙ, ЖИЗНЬ!

ГЕОРГИЙ КОСТОПРАВ

Крутые склоны вечно рыжих холмов опускаются к безымянной речушке, берега которой зеленеют от буйно разросшихся кустарников и верб. Крытые разноцветной черепицей домики весело посматривают на большую колхозную усадьбу. Из ее двора то и дело выезжают тракторы, автомашины. Жизнь бьет ключом. Слышны звонкие, радостные голоса. В селе Куйбышево (Малый Янисоль) рядом с русской и украинской речью звучит греческая. Колхозники, преимущественно греки, решают практические дела своей повседневной жизни. Идет колхозная осень. В один из хлестких холодных дней ноября 1988 г. мы, группа донецких писателей, приехали в Куйбышево, чтобы вместе с сельчанами отметить 85-летие со дня рождения их земляка — основоположника греческой советской литературы Георгия Костоправа.

Мы — это русские литераторы А. Кравченко, В. Логачев, В. Мамнев, греческий поэт Л. Кирьяков и украинские поэты О. Орач и С. Жуковский. Мы интернационалисты, и наш визит в греческое село Донбасса не был чем-то необычным.

Греки в Донбассе... Когда-то, спасая православных единоверцев-христиан от преследований крымских ханов, после победоносной войны под предводительством великого русского полководца А. В. Суворова, Россия предоставила им убежище в Приазовье. Здесь они обосновали свои поселения и живут уже более двухсот лет.

Выдающимся представителем местного греческого населения является талантливый поэт Г. Костоправ *.

Георгий (Юрий) Антонович Костоправ родился 9 ноября (нового стиля) 1903 г. в семье писаря в приазовском греческом селе Малый Янисоль. Сначала он учился в двухклассной, так называемой министерской школе, потом получил образование в Мариупольском реальном училище.

Еще в первом классе Г. Костоправ начал писать стихотворения на русском языке. На его ранние произведения сильное влияние оказало творчество И. Никитина. В сельской школе издавался и рукописный журнал, инициатором издания которого был заведующий школой, большой любитель художественного слова Б. Ф. Бычков.

Февральская революция 1917 года пришла в Малый Янисоль, когда Костоправу не было еще и 14 лет. Но несмотря на юный возраст, Георгий имел уже собственные взгляды на жизнь. В автобиографии, написанной 18 апреля 1932 года, он вспоминал: «Свержение царизма я приветствовал на большом митинге на сельской площади возле церкви собственным стихотворением».

Поэт очень критично относился к своей литературной деятельности и в школьные годы, и когда он в 1926—1927 гг. служил в Красной Армии, а после работал секретарем отдела кадров на мариупольском заводе имени Ильича. Позже, вспоминая жизнь рабочих, Г. Костоправ в письме к другу-поэту Василию Галла рассказывал об «огоньках заводов, когда-то вдохновивших его».

---

* Данный посмертный сборник Г. А. Костоправа выходит в издательстве «Донбас» вторично: в исправленном и дополненном виде — за счет недавно найденных стихотворений поэта, написанных им на русском языке.— Е. В.

За семь лет (1924—1931) он написал 300 стихотворений, а напечатал из них в мариупольских газетах «Ильичевец» и «Голос труда» только 10. В упомянутой здесь автобиографии Костоправ подчеркивал: «Писал тогда, когда не мог не писать, и писал про то, что больше всего интересовало. Иначе говоря, я слишком любил и теперь люблю литературу, чтобы делать из нее профессию».

Костоправ извещал В. Галла: «На курсы греческих учителей приезжал Аграновский. Спрашивал и обо мне: где я живу, что делаю? Между прочим сказал, что, если будет время, зайдет ко мне, и поведал, что показывал мои стихи никому иному, как Демьяну Бедному. Тот (должно быть, снисходительно) одобрил их. Эта новость подняла мое настроение».

С 1931 года Г. Костоправ начинает писать стихотворения на родном греческом языке. Значительное место среди них занимают миниатюры, напоминающие по своей форме и содержанию так называемые «удрамайда»— национальные частушки местных греков.

В 1930—1931 годах Г. Костоправ наверстывает в Мариуполе свое образование, а с начала 1932 и до 24 декабря 1937 года (день ареста) он беспрерывно работает в мариупольской греческой газете «Колехтивистис» литсотрудником, ответственным секретарем, литературным редактором. В это время его стихотворения, оригинальные и переведенные на русский и украинский языки, не сходят со страниц «Диктатуры труда», а позже — «Социалистического Донбасса», «Литературного Донбасса», «Комсомольца Донбасса», «Приазовского рабочего», мариупольских греческих альманахов «Флогомитрес спитес» («Искры, предвещающие пламя»), «Неотита» («Молодость»), местных детских журналов «Неос махитис» и «Пионерос». Основную редакторскую работу в «Неотите» выполнял Костоправ.

К 1931—1932 годам относится творческая работа поэта над поэмой «Ламбос», которая посвящена героической борьбе красных партизан Мариупольщины с бандами Шкуро, Май-Маевского и Махно. Во главе этой борьбы стоял местный грек-коммунист, легендарный народный герой Ламбос. Он и является главным персонажем одноименной поэмы. В ней рассказывается об одном неравном бое партизан с преобладающими силами белогвардейцев. В жестокой кровавой схватке отряд Ламбоса был разбит, а сам командир, получивший тяжелое ранение, был выдан зажиточным греком-хуторянином, и его замучили враги.

Поэма построена в виде рассказа боевого соратника Ламбоса его сыну. Заканчивается она описанием чудесной природы Мариупольщины.

Как вспоминают современники, могила Ламбоса находится там, где сейчас расположен один из цехов завода-гиганта имени Ильича. Много фактов, а среди них и основной — вооруженную борьбу местного пролетариата против эксплуататоров,— Г. Костоправ взял из жизни своих земляков.

Г. Костоправ был признанным певцом многонациональной донецкой молодежи — русской, украинской, греческой. Поэт жил и умер молодым, и значительную часть своего творчества он посвятил советской молодежи, выдвинув как свое основное литературное кредо слова: «Свою я лиру отдал молодежи — упорной, несгибаемой в беде!».

С молодежью поэт был всегда и всюду — работая, отдыхая, празднуя. Об этом он писал в стихотворениях «Празднуем» и «Вечер», опубликованных в переводе на русский язык в журнале «Литературный Донбасс» № 7 за 1935 год. В первом из них поэт употребляет оригинальные, присущие только ему художественные детали:

Ты слышишь музыка гремит,
И в ней молчанье вязнет.

И молодость, как динамит,
Взрывает песней праздник.

Во втором из названных стихотворений Г. Костоправ жизнерадостно и философски утверждает вечную молодость человечества, которая никогда не может состариться. Особенно оптимистичны строки:

Молодость прошла? Неправда. Столько силы
У моей большой и радостной мечты.
Ты в цеха вела и ты в бои носила.
Прожито? А сколько будем жить? Сочти!

Основное острие политической лирики Г. Костоправ направил против фашизма, который уже в тридцатых годах стал самой реакционной силой в мире. В стихотворении «Победным ленинским путем», посвященном шестнадцатой годовщине Октября и помещенном 7 ноября 1933 года в мариупольской газете «Приазовский пролетарий», Г. Костоправ жизнеутверждающе провозгласил:

За рубежом и лют и страшен
Фашизма дикого террор,—
Но свежей кровью не погашен
Борьбы пылающий костер,
И для расплаты в час восстаний
Ножи отточены острей...

В этом же стихотворении автор с гордостью говорит о различных этапах развития Советской державы, начиная с исторических залпов крейсера «Аврора» в 1917 году и кончая идейным воздействием победившей русской революции на современное освободительное движение пролетариев всех стран. Автор вдохновенно воспевает достижения нашей страны в строительстве социализма, прославляет героев завоевания стратосферы и победу над каракумскими песками, героический народ и его испытанного руководителя — Коммунистическую партию.

Пять месяцев работал Г. Костоправ над своим лучшим произведением — поэмой «Леонтий Хонахбей» и наконец в ноябре 1934 года завершил этот труд. В том же году поэма была напечатана отдельной книжкой в Мариуполе.

В этом произведении автором использованы исторические и легендарные материалы из жизни прославленного сына приазовских греков, народного поэта-бедняка Леона Хонахбея. Поэма преисполнена социальной вражды к местному греческому кулачеству, типичным представителем которого выступает хуторянин Лафазан. Наряду с этим она красочно изображает настоящую, глубоко человечную любовь Хонахбея к греческой красавице-бесприданнице Марии Кошкош.

События, о которых идет речь, относятся ко второй половине девятнадцатого столетия. На конкретных примерах поэт изображает классовое расслоение в среде греческого населения Мариупольщины. Он творчески использует мотивы греческих народных песен об антагонизме между бедными и богатыми.

Это произведение написано как взволнованный лиро-эпический рассказ друга Леонтия — деда Йорки (Георгия) автору будущей поэмы.

Среди сыновей Лафазана, как повествуется в поэме, был слабоумный Борис. Отец и решил женить его на Марии Кошкош. Для того чтобы кулакам не мешал Хонахбей, его жестоко избили и принудили петь величальные песни во время сговора Бориса и Марии. И Леонтий поет. Его стихи-песни преисполнены классовой ненависти к богатым. Он подчеркивает, что горе бедного становится для богатого радостью, праздником:

Где бедному горе, там радость богатым.
Слова мои вспомните, люди:
Богач бедняку — ни другом, чи братом
Во веки веков не будет.

Интересны авторские отступления. В них говорится не только о новой, радостной жизни греков в советском селе, но и о желаниях и помыслах самого поэта:

И тридцать осеней как будто не бывало.
Мне кажется, не нам стареть и умирать,
А с каждою весной жизнь начинать сначала,—
Ровесники мои, мы молоды опять.

В 1937 году Г. Костоправ издает свою третью и последнюю поэтическую книгу «Калимера, зисимо!» («Здравствуй, жизнь!»). Первая книга его называлась «Та прота вимата» («Первые шаги», 1933 год, Мариуполь, 96 страниц), в нее вошли стихотворения 1932—1933 годов, переводы произведений С. Руданского, Д. Бедного, Ф. Капельгородского, В. Сосюры.

Конечно, первая книга мало говорила о Костоправе-поэте. В ней были собраны стихотворения раннего периода творчества. Отдельные из них и сейчас продолжают жить, оставаясь актуальными и в наши дни. К ним, прежде всего, относится стихотворение «Побеждаем». В этом произведении воспевается героический труд советских людей — строителей социализма. Тех, что покорили Кара-Кумы и успешно завоевывают воздух.

В сборнике «Калимера, зисимо!» помещено много лирических произведений, эпическая поэма, стихи о В. И. Ленине и стихотворения на важные политические темы, поэтический пересказ греческой народной сказки о волке и лисице, переводы «Песни о Соколе» М. Горького, «Пісні трактористки» П. Тычины, а также произведений Пушкина, Маяковского, Рыльского, Суркова и других. Неоднократно переводил Г. Костоправ на греческий язык и стихи своего любимого поэта Т. Г. Шевченко.

Оригинальным является и тот раздел книги, где опубликованы стихотворения на местные темы, из жизни первых колхозов и МТС донецкого Приазовья: «Два

митинга», «Слово», «Зерноуловитель», а также насыщенные сатирическим и юмористическим содержанием стихотворения «Одна мера», «Кооперация на колесах».

Костоправ часто бывал в колхозах Мариупольщины, присматривался к новой жизни своих земляков, изучал ее и писал о ней. В письме к жене — О. Е. Костоправ, датированном 20 июля 1936 года, он с радостью делился своими впечатлениями: «Какие ночи, какие звезды, Оля, и как вообще хорошо жить, дышать, любить и чувствовать себя счастливым!»

Может, именно в это время, возле речки Ялы, в душе поэта созрело чудесное стихотворение «Прошел теплый дождь», содержащее в себе глубокие лирические чувства.

Как видим, не было таких тем, которые бы обходил молчанием Г. Костоправ. В период строительства социалистического общества он отражал в своих произведениях то, что на каждом этапе жизни было наиболее актуальным. Это — одна из типичных черт поэта, заметного представителя литературы социалистического реализма, и она осталась присущей ему в течение всей творческой деятельности.

Но наиболее ярким из всех, как нам кажется, является стихотворение «Ленин жив». В нем создан образ вечно живого Ильича — верного друга и защитника рабочих и крестьян.

Всю свою жизнь Костоправ был воинствующим атеистом. Об этом свидетельствуют его многочисленные стихотворения на антирелигиозные темы, и особенно «Иосиф и Мария» из сборника «Первые шаги».

Г. Костоправ познакомился с Максимом Горьким на I Всесоюзном съезде советских писателей, несколько раз Горький подолгу и дружески беседовал с ним. Великий советский писатель искренне радовался, что в многонациональном отряде отечественных писателей появился первый греческий поэт. Он подарил Костоправу свою книжку с автографом. Эта встреча окрылила поэта.

В 1937 году Г. Костоправ принимал участие в республиканском пушкинском пленуме Союза писателей Украины. Он привез сборник греческих переводов великого русского поэта, изданный в Донбассе.

Г. Костоправ активно сотрудничал в ростовском греческом альманахе и дважды в Ростове-на-Дону, в 1934 и 1935 гг. принимал участие в конференции советских литераторов, писавших на греческом языке.

Имя поэта было известно не только в Советском Союзе, но и далеко за его пределами. В печатном органе Компартии США — газете «Вперед», выходившей в Нью-Йорке на греческом языке, в номере от 21 января 1936 года поэт Д. Эристеас писал:

«...Поэму Костоправа («Ламбос» — Е. В.) нужно причислить к лучшим лирическим произведениям, которые дала нам за последние годы наша новогреческая поэзия вообще».

Г. Костоправ любил театр. Он часто приезжал в Донецк, чтобы посмотреть новые пьесы. В конце августа 1936 года он смотрел здесь «Горе от ума» и «Даму с камелиями» в постановке театра Всеволода Мейерхольда. Писатель сам работал над пьесой «Весна возвращается», посвященной первым колхозам Донбасса. Но закончить ее не удалось. Отрывки из этой пьесы, а также драма «Осенние листья» сейчас еще не найдены, но в свое время они печатались в Мариуполе, с успехом шли на сценах местных самодеятельных театров и в мариупольском греческом театре.

Перу Г. Костоправа принадлежит немало критических статей. Среди них наиболее интересная и оригинальная «Несколько слов о поэме «Сон» (1935 г.), посвященная Т. Г. Шевченко. Из неоконченных и сейчас потерянных работ поэта необходимо упомянуть рукопись поэмы о гражданской войне на Мариупольщине,

в основу которой были взяты исторические факты обороны села Мангуш от белогвардейских банд.

Незадолго до ареста поэт работал над повестью «Победа», где рассказывалось о жизни греков, работавших на заводе «Азовсталь».

Сохранились и напечатанные прозаические произведения Г. Қостоправа, среди них лирический рассказ «Друзья», опубликованный в 1935 г. в альманахе «Неотита» № 3.

Г. Қостоправ не был одиноким. Он возглавлял большую группу греческих литераторов Донбасса. Его ближайшими друзьями были местные поэты А. Димитриу, В. Галла, Қ. Пастур, А. Шапурма, П. Саравас и другие.

Сохранился последний автограф поэта: «14.1.38 г. Дорогая Оля. Не посчитай за труд передать мне немного табаку (махорки и папирос) и что-либо из продуктов... Юра».

Трагически сложилась судьба талантливого советского поэта. В 1937 г. по клеветническому доносу Георгий Қостоправ был арестован и по различным версиям то ли умер в связи с обострением болезни легких, то ли был расстрелян. Точных данных нет.

Но его творчество и сейчас остается в строю, оно учит людей добрым делам и чувствам, любви к нашей многонациональной Родине, которая никогда не забудет его честное имя.

ЕВГЕНИЙ ВОЛОШҚО

ЛАМБОС

Поэма

Ты видишь там — на склоне гор —
Лесной раскинулся шатер.
В тени деревьев — одинок —
Белеет чей-то хуторок.
Степь мягко стелет под бока
Ему зеленые шелка.
И речка блещет под луной
Кривою саблею стальной.
Дрожат и клонятся над ней
Ряды высоких тополей.
Дрожат без жалобы и слез,
Қак будто тронул их мороз.
А с неба льется звездный свет.
Там бога не было и нет.

Одна из тысячи дорог
Ведет на этот хуторок.
Преодолев тяжелый путь,
Приди сюда когда-нибудь.
Увидишь скорбные места:
Могильный холмик без креста,
Где под тяжелою плитой
Лежит отец погибший твой.
Старуха-верба в жаркий день
Бросает траурную тень,
Роняя листики с ветвей,
В студеный смотрится ручей,
И в полуночной тишине
Пастух играет на зурне.

Нет, лет минувших не догнать,
О них мне только вспоминать.
Мне не забыть голодный год,
Когда нас, маленьких сирот,
Моя беспомощная мать
Решилась все-таки отдать
В рабы, в подпаски, в батраки
На этот хутор у реки.
Хозяин Чантаур был злой,
Кормил нас хлебом да водой.
За корку хлеба и за кров
Пасли на выгоне коров.
А через много-много лет
Нашел я в жизни новый след.
Лишь твой отец никак не мог
Покинуть этот хуторок.
Он гнул там спину дотемна,
Пока не грянула война.
Она, как вихрем, подняла
Мужчин из нашего села.
Надев солдатскую шинель,
Ламбос прошел сквозь ту метель.
Но не сразил его свинец,
Живым вернулся твой отец.
Воткнул на фронте в землю штык,
Пришел в село как большевик.
Собрал отряд из бедняков,
Вскочил в седло — и был таков.
Плясал под ним буланый конь.
Кругом — враги, кругом — огонь.
Махно с бандитами ходил,
Крестьянам головы рубил.
А встретишь залпом из засад —
Придет карательный отряд.
И Май-Маевский и Шкуро
Казнили, грабили хитро.

Мы горе пили через край:
И тот «отдай» и этот «дай».
То дай людей, то дай зерна.
Ну, братцы, были времена!

Я не встречался с ним тогда,
В те незабвенные года.
Потом услышал как-то раз
О партизанах я рассказ.
Мне говорили: плыл закат,
Когда стремительный отряд,
Азартом боя опьянен,
Попал на вражеский заслон.
Звенели острые клинки
До темной ночи у реки,
И покрывались, как росой,
Травинки кровью молодой.
Редел под пулями отряд,
Но не смотрел никто назад.
Когда затих немного бой,
Ламбос, отец твой, чуть живой
Прополз по выжженной стерне,
Чтоб на ночь спрятаться в копне.
Потом он полз через камыш.
Врагу ты это не простишь!
От места злого боя прочь
Он полз к своим и день и ночь.
И, обессиленный, порой
В лачуге чьей-то спал пустой.
Болела раненая грудь,
Но на рассвете — снова в путь.
Хозяин Чантаур узнал,
Что твой отец в беду попал,
Позвал он сына, а сынок
Из ножен выхватил клинок.
Друзей десяток взяв с собой,

Он поскакал в туман ночной.
Бандита конь горячий нес
К овину, где лежал Ламбос.
Отец лежал твой не дыша,
В нем еле теплилась душа.
А за непрочною стеной
Дождь барабанил проливной.
А темь — хоть выколи глаза.
Хотя б ударила гроза!
В саду, где пенился ручей,
Бандиты спрыгнули с коней.
Блеснул огонь. Неравный бой.
И стал навек ты сиротой.

А время быстрое идет.
Где Чантаур теперь живет?
Он где-то в Сербии сейчас
Со злобой думает о нас.
Мечтает землю взять свою,
Что отобрали мы в бою.
Надеть мечтает он давно
На нас батрацкое ярмо.
Но не бывать тому вовек —
Не повернуть теченье рек.
Я знаю, снова будет бой,
И враг твой встретится с тобой.
Ты будешь биться до конца
За дело павшего отца.
...Мы постоим с тобой без слов.
Таких прекрасных вечеров
Давно не видела земля.
Ты слышишь, шепчут тополя?
Ты видишь, речка под луной
Сверкает саблею стальной,
Дрожат и клонятся над ней
Ряды высоких тополей.

Дрожат без жалобы и слез,
Как будто тронул их мороз.

Ноябрь, 1931 г.

ЛЕОНТИЙ ХОНАХБЕЙ

Поэма

Незабываемой З. Щ.

Весенним днем, когда в поля
Спешат уже стальные кони,
И пахнет теплая земля,
Как материнские ладони,
Иду в село,
что с давних дней
Знакомо, как огни степные,
Где жил Леонтий Хонахбей,
Где он любил Кошкош Марию.
Две вербы, выросшие врозь,
Грустят, склонясь
к могильным плитам.
Трава — живой зеленый гость
Взошла на кладбище забытом.
Из тех, кто спит здесь
вечным сном,
Двоих, я это твердо знаю,
До наших дней
в краю родном
С печалью люди вспоминают.
Мы в нашей памяти храним
Ушедших голоса живые.
Леона вспомнят — вместе с ним
Тотчас же вспомнится Мария.

. . . .

Мои дороги далеки.
Увидел я места иные,
Там, где деревья высоки,
Роскошны травы полевые.
И там, от мест родных вдали,
Где горы,
речка плещет сонно,
Писал я повесть о любви —
Поэму о любви Леона.

***

Стирает время старый след,
Идут года дорогой длинной.
Ты — радость.
Ты — мой тихий свет,
Незабываемая Зина.
Тебе, с любовью, что сильней
День ото дня,
от мая к маю,
Рассвету юности моей,
Поэму эту посвящаю.
Пройдут года за годом год,
Не будет нас уже на свете,
Твоя ровесница найдет
На пыльной полке строки эти.
И перечтет потом не раз
С задумчивым и грустным взглядом,
И с уваженьем вспомнит нас —
Меня всегда с тобою рядом.

14.XI-31 г., Мариуполь.

ПРОЛОГ

Иду я степью. Впереди меня бегут дороги,
На горизонте холм стоит, как будто на посту.
Земля, уставшая за день работы и тревоги,
Как в океан, погружена в ночную темноту.

***

А в теплых гнездах птицы спят,
укрыты тьмой, как шапкой.
Над балкой влажной тишина
простерла два крыла,
И звезды в небе высоко
дрожат и жмутся зябко,
Подумаешь, что ищут там
затишья и тепла.

***

Легко навстречу ветерок
подул в лицо знакомо.
Его родил ручей, что там,
на дне, струит свой бег,
За балкой, за ручьем, вдали,
где сложена солома,
Я вижу около скирды маячит человек.

***

Перехожу. Иду к нему
— Да ты ль это, дед Йорка?
Здоров ли ты?

— Здоров, здоров. А ты-то как живешь?
Теперь ты парень городской.
Ну, доставай махорку.
Ты стал поэтом, говорят?
— Поэтом.
— А не врешь?

***

Белеет голова его холодной сединою.
Он улыбается, когда я на него смотрю.
— Что, парень, малость постарел?
Года всему виною,
Ведь скоро восемьдесят мне.
— Немало,— говорю.

***

— Весна, зима, опять весна,—
как дальняя дорога,
Проходят мимо, стороной,
чем дальше, тем скорей.
А где ровесники мои?
Осталось их немного.
Преставился и старый друг
— Леонтий Хонахбей.

***

Леона знал ты? Вместе с ним
в одном селе росли мы
На хлебе горьком и чужом.
Годами — батраки.

Сейчас мне стать бы молодым.
Вам хорошо, счастливым,
О прежней молодости вам
расскажут старики.

***

А звезды в небе все дрожат, поблескивая ярко.
И стала гуще темнота над полем, над селом.
Замолк Йорка. В темноте дымит его цигарка,
И начинает тихо он о старом, о былом.

ТАК БЫЛО КОГДА-ТО...

1

Цветок беспомощно поник —
Коса его скосила.
Умолк иссякнувший родник —
Его исчезла сила.
Так человек: пора придет —
Кровь холодней твоя течет,
И труд все тяжелей дается,
И, задыхаясь, сердце бьется.

2

Ровесника найдешь с трудом,
А встретишь ненароком,
О прошлом вспомнишь, о былом,
О старом и далеком.
Как ты забудешь те года?
Мы были молоды тогда.
Хоть многие со злобой
Их помнили до гроба.

3

Э, если столько лет пройдет,
Тебе казаться будет,
Что мир вокруг совсем не тот,
Совсем другие люди.
Что мы живем в другой стране.
Не смейся — дело в седине.
Вот поседеет голова,
Припомнишь сам мои слова.

4

Случится же когда-нибудь,
Что будешь сам седым.
Эх, мне бы молодость вернуть,
Стать снова молодым.
Но разве кто-нибудь когда
Мог возвратить свои года.
Сжимает сердце мне печаль,
Мне нашей молодости жаль.

5

К нам, молодым, была судьба
Безжалостной и строгой.
Тащилась юность, как арба,
Нелегкою дорогой.
И осень, и весна пройдут,—
Ты знай одно — тяжелый труд.
С отарами, стадами,
Мы управлялись сами.

6

Пастух, объездчик — ты всегда,
Пасешь отары и стада,

И днем, и ночью темной
Кочуешь, как бездомный.
Нам всем пришлось — не только мне —
Жить со скотиной наравне.
От пота нашего взошли
Колючки из сухой земли.

7

У бедняка удел таков:
Скрипучи и угрюмы,
Катились вдоль морских песков
Чабанские дурумы.
Глубоко врезались следы.
Холмы — свидетели беды:
В степи могилы до сих пор,
Здесь чабаны из Черпохор.

8

Там из Харахлы, Сартаны,
А может, из Аргина.
Хоть шли раздельно чабаны,
Но их судьба едина.
Постигла участь их одна —
Им бог за труд воздал сполна —
И то, что жизнь бедна, убога,
Им с детства вбили — все от бога.

9

Где ж он — источник их беды?
Так повелось на свете:
Приносит дерево плоды,
Но их сбивает ветер.
Невесту вырастила мать,
Чужой пришел ее отнять.

Ты не поверишь, не поймешь,—
В другое время ты живешь.

10

Закрыл закатные огни
Широкой шалью вечер.
А звезды,— ты на них взгляни,—
Они, как слезы девичьи.
Невеста в доме бедняка.
Ее судьба была горька,
И часто горькая слеза
Туманила ее глаза.

11

Как коршун или волк в ночи
Охотится за дичью,
Подстерегали богачи
В селе свою добычу.
Хоть говорил тогда народ:
«Красивая судьбу найдет».
Но что ей в той судьбине,
Ведь то судьба рабыни!

12

Спроси-ка лучше у меня
Ты про девичью долю.
Ее могла продать родня
Богатому в неволю.
Хозяйство, мол, тебе дает
Любовь, и счастье, и почет.
Богатый купит сыну
Невесту как скотину.

13

Э, если столько лет пройдет,
Тебе казаться будет,
Что мир вокруг совсем не тот,
Совсем другие люди.
Что мы живем в другой стране.
Не смейся — дело в седине:
Вот поседеет голова,
Припомнишь сам мои слова.

ПАЛИКАРОС ЛЕОН

14

Когда-то в юности моей,
(А где оно «когда-то»?),
Богатым был я на друзей,
Хоть жил я небогато.
Был в Сартане среди парней
Поэт — Леонтий Хонахбей.
Старинных песен знал немало
И пел на улицах, бывало.

15

Не знал отца и мать своих,
И помнил их едва ли.
Кто сам не вырос без родных,
Не знал его печали.
А он прошел все это сам:
Как труден путь к чужим дворам,
И ласки от чужих людей
Не ждал Леонтий Хонахбей.

16

Теперь те годы далеки.
В труде зима и лето,—
В то время жили батраки
Без грамоты, без света.
Леонтий — парень не простой,
Он не мирился с темнотой.
Хоть жизнь была несладкой,
Учился сам украдкой.

17

Без книжек жить не может он.
Коптилка светит еле,
Читает, думает Леон
Под свист ночной метели.
Он что-то ищет — не найдет.
А к людям выйдет — запоет:
Частушки — не молитвы,
Язык — острее бритвы.

18

Пусть старшина, пусть богатей,—
За выверты, за грубость
Леон частушкою своей
Отхлещет так, что любо.
За то, что он бичует зло,
Его любило все село,
Но от Леоновых речей
Трясло, бывало, богачей.

19

Красив, высок, под стать дубку,
Глаза горят живые...

И полюбилась батраку
Кошкоша дочь Мария.
Издалека
немало дней
Он тайно наблюдал за ней.
Кто не был в первый раз влюблен?
Вот полюбил и наш Леон.

20

Пусть будут коротки слова,—
Их впереди немало.
Любовь вошла в свои права,
Взаимной, крепкой стала.
И стало на душе светло,
Забылись тяготы и зло,
И для Леона впереди
Открылись новые пути.

21

Как молодое деревцо,
Он был высоким, гибким.
Светилось радостью лицо,
Веселою улыбкой.
Не скажешь про него никак,
Что он бедняк, что он батрак,
Что он — Леонтий — сирота:
Нет ни хозяйства, ни скота.

ЛЮБОВЬ

22

Плывет в долине над рекой
Туман голубоватый.

На небе вечер поднял свой
Багровый флаг заката.
И наступила темнота.
Телок в загоне для скота
Без матери скучает
И плакать начинает.

23

Вот догорел уже закат
Торжественно и строго.
И арбы в тишине скрипят,
И чуть пылит дорога.
Как медленно скрипят они!
Вдали чуть светятся огни,
А батраки утомлены.

24

Не скоро отдых и привал.
Волы бредут устало.
Тогда Леонтий запевал,
И песня так звучала,
Что этой песнею своей
Тревожил он сердца людей.
И, глядя вдаль на огоньки,
Вздыхали грустно батраки.

25

И видя это, Хонахбей,
Хоть сам он был усталым,
Чтобы развеселить друзей,
Частушки запевал им.
От шуток, от веселых слов
Светлели лица батраков.

И так с веселым смехом
Им было легче ехать.

26

Он больше всех спешит вперед,
А сердце часто бьется.
Быть может, там Мария ждет
Леона не дождется.
Пусть темнота со всех сторон,
Все ждет — не едет ли Леон.
Стоит Мария у дверей
И грустно ей, и страшно ей.

27

Подруги зависти полны,
Бледнеют от досады.
Ее глаза, как ночь, темны
И ярче звезд Эллады.
Такой косы не видел я,
Коса сползала как змея.
Был строен, словно тополь, стан
И брови тоньше, чем гайтан.

28

Немало есть в селе парней,
Что грустно и влюбленно
Во все глаза следят за ней,
Когда она с Леоном.
Все ходят за Марией вслед,
Хотя у них надежды нет.
Сын Лафазана-кулака
За ней следил исподтишка.

. . . .

29

И тополь, и высокий клен
Склоняются пред нею.
...Вот он пришел — ее Леон —
Лицо ее светлеет.
Он тоже счастлив, тоже рад.
И допоздна они стоят,
А ночь, как птица над окном,
Бросает тень своим крылом.

30

— У нас в окне уж свет погас,
Смотри, — твердит Мария. —
Когда приду я в поздний час,
Меня бранят родные.
Отец и мать, и старший брат
Из дому выйти не велят.
Следит за мною брат Антон,
Боюсь я, что проснется он.

31

Скользит змеей ее коса.
Она твердит в тревоге:
— Леон, поспи хоть полчаса,
Ведь ты устал с дороги.
Он оторвать не может взгляд.
Два года быстро пролетят,
И он — Леонтий Хонахбей —
Марию назовет своей.

32

Ушла Мария.
Коротка
Их радость.
Нет Марии.
И ветви вишен вслед слегка
Качнулись, как живые,
Идет Леонтий и поет.
Куда она тебя ведет —
Ее любовь и красота,—
Ведь ты бедняк и сирота?

СТАРЫЙ КОРШУН

33

Немало у судьбы путей
(Те времена такие).
Не смог Леонтий Хонахбей
Назвать своей Марию.
Все покупалось за рубли,
Все богачи купить могли.
За этот рубль золотой
Плати любовью, красотой.

34

У них богатство, власть у них,
На сходках смотрят гордо.
Они кричат сильней других,
Поглаживая бороды.
Их в первый ряд — хозяева!
У них богатство и права.
И среди них — как атаман —
Богатый самый — Лафазан.

2 5172

35

Он счет забыл волам, быкам,—
Не человек, а камень.
В то время трудно было нам
Бороться с кулаками.
Не сыщешь, верно, на земле,
Не то, что здесь, у нас в селе,—
Хозяина такого
Жестокого и злого.

36

Погасли в окнах огоньки,
Село уснуло рано,
Но грузят арбы батраки
Всю ночь у Лафазана.
Промашку только в чем-то дай,—
Получишь сразу нагоняй.
И вечно ругань, будто гром,
Над лафазановым двором.

37

Идет надутым индюком,
Краснее меди рожа.
В своем хозяйстве батраком
Он сына сделал тоже.
Все копит он
И все не сыт.
Родного сына не щадит:
«Дни потеряешь — пуст карман!»—
Так повторяет Лафазан.

38

И вырос сын средь темноты,
Забитым, глупым малым.
Умел крутить быкам хвосты,
Но грамоты не знал он.
— Что ум и грамота — пустяк!
С деньгами проживешь и так,
С деньгами и дурак — мудрец,—
Борису говорил отец.

39

Закрыли тучи край небес,
Дождями листья сбиты.
Арбузный пенится бекмез,
Парует над корытом.
И летним дням приходит срок,
И опустел и стихнул ток.
Пройдет еще немного,—
И осень у порога.

40

Даль по-осеннему ясна.
Но тем, кто продал руки,
Приносят осень и весна
Одни и те же муки.
Тревожит дума их одна:
Засыпал много ли зерна?
Нашел возможность ли свою
Хоть кое-как одеть семью?

41

У богачей заботы нет.
У них — иная доля.

Не нужно им встречать рассвет
В чужом осеннем поле.
Не надо с чистиками им
По полю, инеем седым
Покрытом, босиком брести,
Сбивая ноги о кусты.

42

Все богатеи в магазин
Приходят утром рано,
Но замолкают как один
При входе Лафазана.
За что почет ему такой?
За то, что под его рукой
Стада, отары, табуны
И закрома зерном полны.

43

Ему проклятья вслед летят,
Хоть все его боятся.
А богачи в селе хотят
В богатстве с ним сравняться.
И лишь Леон был горд и смел,
Пред ним склоняться не хотел,
Хотя ждала его беда, —
Не знал он страха никогда.

44

Ведь Лафазан хвастлив и зол:
«Леонтий зря косится,
Придет такое время, мол,
Придется поплатиться.
Раз ты бедняк, раз ты батрак,
Не должен заноситься так.

А ты, Леонтий, слишком смел,—
Всему на свете есть предел.

45

Остынет сердце навсегда.
Ходи и пой покуда...
Смотри, когда придет беда,
Сам убежишь отсюда.
Лишь только осень подойдет,
Борис Марию заберет.
Забудешь навсегда Марию,
И песни запоешь другие».

46

Как коршун или волк в ночи,
Охотятся за дичью,
Подстерегали богачи
В селе свою добычу.
Хоть говорил тогда народ:
«Красивая судьбу найдет»,
Но что ей в той судьбине,
Ведь то судьба рабыни!

БЕДА ПРИБЛИЖАЕТСЯ

47

Грубеет на ветвях кора,
Свисает паутина,
И журавлям уже пора
Лететь дорогой длинной.
— Куда ты, ласточка, куда?
— Меня пугают холода.

— Что, ветви, клонит вас к земле?
— Ведь время движется к зиме.

48

Пусть мрак и холод без конца,
Пусть тучи дождевые,—
Не остывают лишь сердца
Леона и Марии.
Лелеет он мечту, как сад:
Два года быстро пролетят,
Тогда осеннею порой
Он назовет ее женой.

49

Но счастье — призрачный туман.

. . . .

Случилось как-то вскоре,
Сказал супруге Лафазан
В семейном разговоре:
— Женить Бориса надо нам,
Не будет шляться по дворам.
Жену ему поищем,—
Ведь наш Борис не нищий.

50

Приметил я, здесь есть одна.
Видней, чем все другие.
Тебе понравиться должна
Кошкоша дочь — Мария.
Мы лучше, даже днем с огнем,
Жены Борису не найдем.

Из девушек всего села
Одна Мария всем взяла.

51

Не будем тратить лишних слов.
Я дела так не брошу,
А завтра же возьму сватов
И мы пойдем к Кошкошу.
Антон Кошкош сказал на днях:
Он рад, что станем мы хунах.
— Пожалуйста,— сказал,— сосед,
Вам, Лафазан, не скажешь: нет.

52

Нам надо, чтоб не знал Леон,
Все сделать честь по чести,
Не то село покинет он
И с ним Мария вместе.
Он может,
он, Леон, таков,—
Собрать парней — своих дружков.
Мы устранить его должны,
Чтоб не сбежал из Сартаны.

53

Осенний день погас давно,
И дали тьма покрыла.
Спустилось на морское дно
Холодное светило.
И равнодушно, как всегда,
Над Сартаной взошла звезда,
И непривычно рано
Стих шум у Лафазана.

54

Он волка старого хитрей —
В делах привык к удаче.
Нашел он четырех парней,
Из тех, что побогаче.
Собрались с палками в руках
Они на улице впотьмах,
В тени большого клена,
Чтоб подстеречь Леона.

55

Леонтий показался.
Вмиг
Пред ним мелькнули тени,
Раздался свист, метнулся крик,
И камни полетели.
Леонтий стал.
И в темноте
К нему подкрадывались те.
К плетню прижат и окружен
Парнями рослыми Леон:

56

— Послушай, что тебе споем!
...Собачьей сворой злою
Его терзали вчетвером,—
Земля пошла юлою.
Земля летит, летит во тьму...
Пробили голову ему,
И, словно чистый родничок,
Сочится кровь его, течет.

57

Горька судьба твоей любви,
Коротким счастье было...
Леон упал.
Лицо в крови,
Как мертвое застыло.
Он, как подкошенный, упал,
Как будто полетел в провал.
Сознанья нет.
Тогда и те
В ночной пропали темноте.

58

Не знал он, что его мечты
Засыпала пороша.
Идут, спешат уже сваты
Туда, где дом Кошкоша.
По переулку,
вдоль обрыва
Они проходят торопливо.
И Лафазан Борис — жених,
Идет, красуется меж них.

59

Немало у судьбы путей.
(Те времена — такие).
Не смог Леонтий Хонахбей
Назвать своей Марию.
Все покупалось за рубли,
Все богачи купить могли.
За этот рубль золотой
Плати любовью, красотой.

60

Лежит Леонтий, глух и нем...
А богачи, как боровы,
Сошлись в правленье между тем,
Поглаживают бороды.
Сошлись они — хозяева —
У них богатство и права,
И среди них, как атаман,
Богатый самый — Лафазан.

61

Он говорит, нахмурив бровь:
— Нет от него покоя.
Пусть лучше не увидеть вновь
На старости такое.
Мы — хозяйва в своем краю..
Зачем же нам растить змею?
Что с нами будет через год,
Когда змееныш подрастет?

62

Терпеть насмешки нет уж сил,
А кто же в том повинный?
Он старшину не подцепил
На свой язык змеиный?
Тебя, Чухур, тебя, Папуш.
И непокорный он к тому ж.
Нас ждет нелегкая судьба,
Когда восстанет голытьба.

63

Известно, грязный след видней
На снежной целине.
Так стал и этот Хонахбей
Заметным в Сартане.
Он принесет нам ного бед.
За ним идут другие вслед,
Ведь нет его дороже
Для нашей молодежи.

64

...Сидит урядник, старшина,
И сотский у дверей.
— Твоя судьба здесь решена,
Леонтий Хонахбей!
...Кто не учтет слова мои,
Не знает норова змеи.
Деревьям кто поможет,
Когда пожар их гложет?

65

Ему ведь нечего терять:
Ни дома, ни хозяйки...

. . . .

— Нам надо с ним потолковать,
Сюда его давайте!
— Дождется от меня плевка!
— Я проучу его слегка!
— И мой кулак узнает он! —
И шум, и крик со всех сторон.

66

Правленье, как пчелиный рой,
Гудело обозленно.
И сотский тут же старшиной
Был послан за Леоном.
«Посмотрим, что теперь споешь!» —
Взгляд Лафазана точно нож,
Исподтишка смеется он:
«Конец пришел тебе, Леон!»

67

Горька любовь твоя, Леон,
Коротким счастье было.
Мрак наползал со всех сторон,
Ночь Сартану укрыла,
Правленье,
Люди.
Крики: «Бей!»
И вот Леонтий Хонахбей —
Костей и мяса страшный ком,
Оставлен ими под замком.

68

Когда сознание к нему
Вернулось, стало ясно,
Что бросили его в тюрьму, —
Стучать и звать напрасно.
Он окровавлен, он избит,
На земляном полу лежит,
И тело все горит в огне,
Решетка в узеньком окне.

69

Он звезды видит из окна
Холодные такие.
Мария... Где сейчас она,
Что делает Мария?
Быть может, и она давно
Глядит в тюремное окно.
Или у каменной ограды
Ждет и бледнеет от досады?

СГОВОР

70

Где ж он — источник их беды?
Так повелось на свете:
Приносит дерево плоды,
Но их сбивает ветер.
Невесту вырастила мать,
Чужой пришел ее отнять.
Ты не поверишь, не поймешь, —
В другое время ты живешь.

71

Спроси-ка лучше у меня
Ты про девичью долю.
Ее могла продать родня
Богатому в неволю.
Хозяйство, мол, тебе дает
Любовь, и счастье, и почет.
Богатый купит сыну
Невесту, как скотину.

. . . .

72

Язык Кошкоша был похож
На мельницу недаром.
И то сваты, то сам Кошкош
Друг друга хвалят с жаром.
Мария, словно смерть, бледна,
Слова их слушает она:
«Да что ж это такое?..»
И сердцу нет покоя.

73

Слов сладких много говорят,
Беседа долго длится:
«Кто с Лафазанами не рад
Так близко породниться!»
...Как ей сдержать слезу и стон?..
Сказал ей старший брат Антон:
«Мария, ночь тебе дана,
Леона ты забыть должна.

74

Послушай лучше речь мою.
Ума нет, вот и плачешь.
Где ты еще найдешь семью
Дружнее и богаче?
Ты, кажется, понять должна:
Кто сеет больше всех зерна?
Чьих перечесть нельзя овец?
Чей хутор лучший, наконец?

75

Я не прощу твою вину,
Чтоб ради Хонахбея

Терять богатство.
Прокляну!
Так говорю тебе я.
Забудь Леона до утра,
Не то, накажет бог, сестра,
Пускай всевышний тоже
Прозреть тебе поможет».

76

Как буря, нагоняя мрак,
Гнет ветки молодые,—
Врасплох застигнутая, так
Согнулась и Мария.
Защиты нет, а всюду ночь,
Слезами горю не помочь.
Среди врагов совсем одна,
Дает согласие она.

77

О, боже!
Разве можешь ты
Благословенье дать ей?
И смотрит вниз из темноты
Слепая божья матерь...
Мария, плакать брось ты...
К столу прошу вас, гости!
Налили первую, вторую,
И хаурма уже парует.

78

Кошкош концу такому рад,
Пусть женщины судачат:
— Ты выпей, зять!
Налей-ка, сват!..

В углу Мария плачет.
Здесь рюмки не были пусты.
Уж еле держатся сваты.
И вот тогда, как атаман,
Сюда заходит Лафазан.

79

Не раз остыла хаурма,
А трапеза в разгаре.
И в доме шум и кутерьма,
Как в праздник на базаре.
А время — за полночь давно,
Но льется водка и вино.
И двор, и дом во всех углах
Сивушным запахом пропах.

80

«Мне стыдно здесь на вас смотреть,
Пораспускали вожжи,
А песню стоящую спеть
Никто из вас не может.
Споет нам песню Хонахбей,
Кошкош, пошли за ним парней.
Вы, вижу, в самом деле
От водки онемели».

81

Так Лафазан сказал.
Леон
Сидит в тюрьме, бедняга.
За толстую решетку он
Упрятан, как бродяга.
Плывет, качается луна.

В селе немая тишина,
Далеко до рассвета,
Собака лает где-то.

82

Вдруг голоса из темноты.
— Эй, открывай скорее!..
Ругаясь, пьяные сваты
Ввалились к Хонахбею:
— Леон, пришли мы за тобой.
Там, у Кошкоша, пир горой.
Споешь, ведь не впервые,
Увидишь там Марию.

83

Он улыбнулся.
Что ж, они
Леона сердце знали.
Мария... вспыхнули огни,
И осветились дали.
И стало вдруг в тюрьме светло,
Забыл он сразу боль и зло.
Лицо,
ее лицо вдали...
Враги услышали: «Пошли!»

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

84

А у Кошкоша пыль столбом...
Звенят с вином стаканы.
Леон за праздничным столом
Увидел Лафазана.

«Чего ж Мария не идет?»
Вот Лафазан, ощерив рот
И издеваясь над Леоном,
Ему стакан поднес с поклоном:

85

«Ты что, прикинулся немым,
Или, быть может, злишься?
Сказал бы «свет глазам твоим»,
Поздравил бы Бориса.
Еще немного дней пройдет,
Марию в жены он возьмет.
Уже сейчас, приятель,
Он стал Кошкошу зятем.

86

Сильнее шум и рюмок звон.
Хитра улыбка лисья...
— На свадьбу приходи, Леон,
В день Дмитриев
Бориса.
Ты, знаю, в сердце носишь яд,
Но все от бога, говорят,
От мала до велика.
Ты лучше спой, пали́кар.

87

Темно-темно...
То кличет смерть
Иль вороны ночные...
Ха-ха!
Леон им будет петь
На сговоре Марии...

Спеть песню?
Что ж, пусть будет так.
Спой песню сирота, батрак.
И пусть все, что в слезах поется,
Врагам слезами отольется.

88

Батрак, о счастье позабудь,
Оно не долго длится.
Кому-нибудь,
когда-нибудь
Мог сон такой присниться.
Тот нехороший, страшный сон,
Что видит наяву Леон.
На что надеяться теперь?
Кому открыть как другу дверь?

89

На их, ты видишь, стороне
И люди, и всевышний.
Господь с богатыми в родне,
Бедняк у бога лишний.
Спой песню им, Леон, свою,
Пусть далеко, в любом краю,
Услышав голос твой, в ночи
Дрожат от страха богачи.

90

Пусть песня вдаль летит, вольна,
Сердца влюбленных ранит...

. . . .

...— Эй, до свиданья, Сартана!
Мария, до свиданья!
Хочу я на Кубани,
Забыть о Лафазане.
Чтоб не справлял он торжество
Над горем сердца моего.

91

Пускай в немыслимую даль
Судьбой заброшен буду,
Иссушит сердце мне печаль,—
Марию не забуду.
И убеленный сединой,
Я буду верен ей одной.
И здесь из уваженья к ней,
Споет Леонтий Хонахбей.

***

И начал песню Хонахбей.
И горько прозвучали
Слова, что в памяти людей
До наших дней остались.

ЛЕОНТИЙ ПОЕТ

«Где тополи стройно стоят молодые,
Там вербы грозою разбиты.
Пусть будут раздельны дороги людские,
Конец их — могильные плиты.

Все имеет конец,
Что имело начало.

Всяк получит свое,
Что судьба начертала.

Так весело в поле резвится теленок,
От радости страх забывая.
Глядишь, а уж в сумраке чащи зеленой
Волк его хищный терзает.

Таков мой удел.
От судьбы не уйдешь!
Враги в мое сердце
Направили нож.

Где бедному горе, там радость богатым.
Слова мои вспомните, люди:
Богач бедняку — ни другом, ни братом
Во веки веков не будет.

Молодые стареют,
Старики умирают.
Терпению бедных
Конец наступает.

Вернуть то, что было, напрасно, не пробуй.
Оплакивай то, что случится.
Как грозное пламя растет наша злоба
И в каждое сердце стучится.

Час придет. Даже бог
Вас накажет сурово.
Не увидят глаза ваши
Света дневного.

Уйду я отсюда, и пусть на чужбине
Бездомным скитаться я буду.
На голову тихо опустится иней,
Марию свою не забуду.

С кровоточащим сердцем
Я песню пою.
Вы украли последнюю
Радость мою.

СВЕТЛАЯ МОЛОДОСТЬ

92

...На сердце было тяжело.
Вот песню оборвал он...
С тех пор, как он ушел, прошло
Тяжелых лет немало.
Он так и сделал, как сказал.
Путь на Кубань пред ним лежал,—
Леона взяли чабаны,
Что шли туда из Сартаны.

93

Хоть постарел он и зачах,
Хоть волосы седые,
Но загорался свет в очах
При имени «Мария».
Дар песенный великий
Не потерял паликар.
Но только в песнях навсегда
Остались горечь и беда.

94

Ничем в разлив весенних вод
Не остановишь воды.
И время все бежит вперед,
Как ты задержишь годы?
И не успеешь оглядеться,
Все ближе старость,
дальше детство.
Брэ-э, вот скоро двадцать лет,
Как и Леона с нами нет.

95

Э, сколько слов пришлось сказать
В своей короткой были.
Теперь ты будешь лучше знать,
Как люди раньше жили.
Да, жил он год за годом так,—
Любой бедняк, любой батрак.
Та жизнь и те страданья тоже
Людей не делали моложе.

96

Э, наши годы не сочтешь
Хоть я старик, но знаю,—
Теперь другая молодежь,
Страна совсем другая.
Ни унижений, ни путей,
Какими шел наш Хонахбей.
Вам легче в жизнь теперь идти,
Пред вами светлые пути.

97

Еще враги из разных стран,
Посмотришь, копошатся.
Они, как старый Лафазан,
Хотели б рассчитаться.
Их по углам немало есть.
Они готовят злую месть.
Есть злость у них, а силы нет.
Им не увидеть больше свет.

98

Теперь народ совсем не тот.
Не то, что раньше было,—
Страна растет,
страна поет.
Страна дает вам силу.
И силы не найдется впредь,
Чтоб нашу силу одолеть.
Ведь в мире нет сильнее стран
Страны рабочих и крестьян.

ЭПИЛОГ

Что, парень, замолчал?
Давай закурим, что ли.
И Йорка оторвал бумажку, взял кисет...
Все меньше огоньков в высоком звездном поле,
Челпан родился. Засиял.
Приблизился рассвет.
И рассвело. И звезды все погасли до единой,
И обозначен полосой багряною восток.
И ночь холодная ушла
своей дорогой длинной,—
Вот брызнет солнечных лучей
стремительный поток.
И, радуясь рожденью дня, уже запели птицы,
И трактор вдруг затарахтел
в прохладной тишине.
Оставив прежние года, душа моя стремится
Скорей вернуться в наши дни,
Скорей прийти ко мне.
...Опять пришла весна. Она
должна была явиться,
И радости моей теперь опять предела нет.
Я жизни радуюсь, как будто мне не тридцать,
Как будто мне еще семнадцать лет.
И тридцать осеней как будто не бывало.
Мне кажется, не нам стареть и умирать,
А с каждою весной
жизнь начинать сначала,—
Ровесники мои, мы молоды опять!
У жизни, у людей сейчас иная мера:
Жизнь обновляется, а люди все растут.
— Так стала, говоришь, учительницей Вера?
А где, скажи, Андрей?
Поехал в институт.
Алеша — тракторист. Весной и летом в поле.
Антон — в Совете, борется за мир.
Стал машинистом на заводе Коля.
Григорий — в Армии.
Он — красный командир.
Мы родились под доброю звездою.
Ровесникам моим нет счета и конца.
Друзья и братья!
Родина.
Я сердце вам открою!
Любовь мою и жизнь отдам вам до конца!

Межегорье — Таганрог — Мариуполь.
12 июля — 24 ноября 1934 г.

НЕПОБЕДИМЫЕ

Мы помним то время,
Нам годы известны,
Когда для людей —
Хлеборобов простых —
Земля была кладбищем,
Мрачным и тесным,
Где черные тени
Бросали кресты.

Мы помним, когда,
Собираясь в колонны,
Готовя к удару
Могучий кулак,
На битву с царем
Поднялись миллионы,
В деревне — крестьянин,
На шахте — горняк.

Как змеи,
Сползались враги, угрожая
Огнем и металлом
Вернуть старину,
Но с партией нашей
Борясь и мужая,
Как саженец юный,
Растим мы страну.

Мы знаем:
Лета друг за другом уходят.
Мы знаем:
Возврата ушедшему нет.
И силы могучие
Зреют в народе
Для счастья страны,
Для великих побед.

Мы знаем:
За нашей границею снова
Стекаются полчища
Старых врагов.
Отчизна к любым
Испытаньям готова,
И каждый трудящийся
К бою готов.

Мы знаем:
Нам беды и гибель пророчат.
Но стало народу
Сегодня видней:
Дороги врагов
С каждым часом короче,
А наши — все шире,
А наши — светлей!

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

1

Весть промчалась по селу
птицей быстрокрылой:
— В степи с бандой убежал
атаман постылый.
Загуляли по дворам
радостные толки,
только смотрят богачи
на крестьян, как волки.
А у сельских бедняков
шапки на макушке.
Загорелся жаркий спор
около церквушки.

Вышел в круг пастух Ефим
в драном армячишке.
Засмотрелись на него
сельские мальчишки.
А пастух заговорил
сразу о свободе:
— С давних пор все бедняки
родственники вроде.
Если будем заодно,
То умножим силы,
а пойдет разброд-разлад,—
он страшней могилы.
Если двинем на врага
каменной стеною,
солнце ясное навек
вспыхнет над землею.
Для волненья у крестьян —
веские причины.
Расстегнули мужики
шубы из овчины.
А Ефим уже кричит:
— Ну, так как, ребята?
Вдруг ударил над селом
гулкий звук набата.
Замолчал на миг пастух,
осмотрелся строго.
Загорелась в сотнях глаз
смутная тревога.
И качнулся тесный круг.
Не блестя сноровкой,
вот один бежит с клинком,
а другой — с винтовкой.
На чинаре молодой
обломилась ветка.
Кто-то крикнул:
— За селом —

белая разведка!
Плачут матери навзрыд,
причитают жены.
На церквушке замолчал
колокол луженый.
— Возвращайтесь поскорей,
ратники свободы!
...Эх, ты время жарких битв!
Буревые годы!

2

Годы быстрые летят,
как под ветром птицы.
И шумит из края в край
океан пшеницы.
Тетя Маша говорит:
— Новые законы,
А ведь клали до сих пор
Идолам поклоны.
Отгремели над страной
вражеские пушки.
Блещет золотом зерно
в старенькой церквушке.
Ароматный вьется дым
из пастушьей трубки.
На трибуне наш Ефим
в новом полушубке.
Он такую речь ведет,
подбирая слово:
— Много дел у нас сейчас,
труд — всему основа.
Много есть у нас врагов
и вдали и рядом.
Не напрасно мы идем
боевым отрядом.

Не напрасно бились мы
во широком поле.
Время быстрое идет,
утихают боли.
И рассеялась навек
горя мгла сырая.
Нас в грядущее ведет
партия родная.
Заживет планета вся
и вольней и краше,
скажет бедности:— Прощай!
Здравствуй, счастье наше!

Февраль, 1934 г., Мариуполь.

ВОЗЛЕ МАВЗОЛЕЯ

Январь.
Москва.
Стены кремлевской пики.
Зима.
Мороз деревья обнимает.
Здесь сердце
нашей Родины великой
Работает,
стучит,
не умолкает.
Январь.
Москва.
Печальными глазами
На Мавзолей смотрю,
а сердце стонет.
Печаль мою
не выразить словами:
Здесь Ленин спит,
к груди прижав ладони.

Но, преданная
Ленинским заветам,

Страна
стальные мышцы укрепляет,
Ведя народ наш
от побед
к победам,

Его бессмертный подвиг
умножает.

Ты вечно с нами,
гений солнцеликий,

Твой светлый разум
путь наш озаряет.

Я слышу:
сердце Родины великой
Работает,
стучит,
не умолкает.

Январь, 1936 г., Мариуполь.

ЛЕНИН ЖИВ

Шар земной
окутан черной тенью,
Снег январский
зачернила тень...
Люди в этот день
осиротели,
Человек труда
осиротел!
На мгновенье вся земля
застыла.
Холод в сердце каждое
проник.

Руки чьи не потеряли силу?
Чьи сердца
не замерли на миг?!
Умер Ленин...
Нет! Неправда это!
Кровь его, как прежде, горяча.
В стужу согревается планета
Жаром сердца,
кровью Ильича.
Разве там, где голод,
где крутая
Жизнь у всех голодных и рабов,
Средь рабочих Индии,
Китая,—
Мы не слышим Ильичевых слов?
Загляни сейчас в любые дали,—
На земле такого места нет,
Где бы люди Ленина не знали,
Не встречали б ленинизма свет.
Ленин жив!
Весенним утром ранним
Он выходит первым на поля.
Ленин там, где первые комбайны,
Там, где обновляется земля.
Ленин жив!
Он постоянно с нами.
В каждом сердце —
образ Ильича.
Не угаснет ленинское пламя
В доменных, мартеновских печах.
Он для всех народов
всей планеты
Вера, знамя и призыв вперед,
И покуда солнце в мире светит,
Вертится планета —
не умрет.

МАЯК БОРЬБЫ

Памяти С. М. Кирова

Еще не улеглись
ни горечь, ни волненье,
Они еще не скоро
стихнут и пройдут,
Ведь он из тех,
кто жаркое горенье
Вдохнул в людей
и в свой гигантский труд.
Враг выстрелил...
Безжалостно слепая сила
Вонзилась прямо в серце.
Но ошибся враг.
Напрасно было ждать,
чтоб погасила
Малюсенькая пуля
пламенный маяк.
Взгляни — везде,
где закипает ныне стройка,
В любом селении
и в городе любом
Встают в ряды
мильоны сильных,
стойких,
И за Миронычем мы снова
в бой идем.
И снова его сердце,
как маяк пылает,
И снова дальний путь
он освещает нам.
Так мощный ветер
тучи разбивает,

Так солнце гонит
тьму ночную
по утрам.

1934 г.

***

Вот и вихрь подул суровый.
И вздымает море грудь.
«Будьте, девушки, здоровы!».
«До свиданья!». «В добрый путь!»,

Проводила на рассвете
Друга в Армию, горда.
Пусть же солнце другу светит,
Как любовь моя, всегда.

Поднесла сорочку в клубе
Я миленку моему.
Он спросил несмело: «Любишь?»
«Да»,— ответила ему.

Никогда вороне черной
Белым голубем не стать.
Никому любви, бесспорно,
У меня не отобрать.

Я дружку не написала,
Написать я не могла,
Что, придя домой с вокзала,
Слезы все-таки лила.

Нет, не плакать, а гордиться
Мы любимыми должны...

Охраняет он границы
Молодой моей страны.

На дороге свистнул ветер,
Жарким солнцем обогрет,
Он спешит тебя приветить —
От меня несет привет.

Росы в травах станут соком,
Все ручьи бегут к реке.
Я всегда с тобою, сокол,
И вблизи и вдалеке.

Выхожу в поля на зорьке,
Убираю урожай.
Ты границы наши зорко
Береги и охраняй!

Пусть враги шипят, как змеи —
Наш народ не запугать,
Наша Родина умеет
И любить, и воевать.

А полезут к нашим кладам,—
Разобьем и победим.
Кулаком стальным, как надо,
Мы им по носу дадим.

ВЕЧЕР

Спокойные тучи
Идут кораблями
По синему небу
Над волнами нив.
Волнуется поле

Большими хлебами.
Дорога раздольна.
И вечер красив.

А в сини ныряет
За голубем голубь,
За голубем голубь
Взмывает в зенит,
Проходят ровесники
С песней веселой,
И радостью
Каждое слово звенит.
И я подпеваю
Ровесникам лихо,
Взращенный любовью
И верой одной.
Земля впереди,
Как огромная книга,
Огромная книга,
Открытая мной.

Такою порой
Забываешь усталость.
Иду и мечтаю,
Легко мне в пути.
Немало дорог
За спиною осталось,
А сколько еще мне
Придется пройти!

Я молод и строен.
Я к радости вышел.
Я полон еще
Нерастраченных сил.
Земля, словно спящая
Женщина, дышит

В низине, где воздух
Еще не остыл.

Плывут кораблями
Спокойные тучи.
Выходит луна,
Золотится во мгле.
Иду я и чувствую
В сердце кипучем
Сыновнюю любовь
К этой славной земле.

Апрель — декабрь, 1934 г.,
Мариуполь, Таганрог.

ТЕПЛЫЙ ДОЖДЬ

Дождь над рекой прошумел.
Капли на листьях осели.
Дышат сады глубоко.
Дышит спокойно земля.
Ветер в посевах уснул.
Воды реки покраснели.
С тихих, высоких небес
Солнце сползает в поля.

Тучи, пролившие дождь,
Стали легки, словно вата.
Думаю я об одном,
В сердце надежду храня:
Может быть, там за рекой,
Так же любуясь закатом,
Девушка молча стоит
И вспоминает меня.
Хочется мне, чтоб любовь
Свет до нее донесла свой,

И обогрела ее, и озарила сейчас
Так же, как солнце, уйдя,
Сделало светлой и ясной
Речку, текущую вдаль,
Разъединившую нас.

12 июня 1937 г., Боромля.

ЛЮБОВЬ

Согретый солнцем простерся камень,
Навис над морем башкой быка,
А море ласковыми руками
Ему поглаживает бока.
Оно ворочается лениво,
Забыв о ярости злых ветров.
Выходит медленно из залива
Баркас рыбачий на дальний лов.
Блестит под солнцем волна морская,
Как рыбья светлая чешуя,
Вдоль кромки берега мы шагаем,—
Здесь море, камень да ты и я.
В песке холодном шуршат ракушки
И чистым блеском глаза слепят.
Из-под ресниц, как с лесной опушки,
Ты мне бросаешь свой теплый взгляд.
Не вечно ночи холодной длиться,
За солнцем следом встает рассвет.
Как робкий лучик, любовь таится,
И все же выйдет она на свет.
Поправив косу движеньем быстрым,
Идешь ты молча, не подняв век.
Но понял я по глазам лучистым,
Что я — счастливейший человек.
И все слова позабыл я тоже.

Пусть онемели мы, как скала,
Одно лишь слово, что всех дороже,
Я жду, чтоб ты мне произнесла.
...Чуть-чуть трепещет волна морская,
Под солнцем скалы седые спят.
Вдоль кромки берега мы шагаем,
Меня встречает твой робкий взгляд.
Не вечно ночи холодной длиться,
За солнцем следом встает рассвет.
Любовь не может в тени таиться,
И вот выходит она на свет.

Сентябрь, 1935 г., Одесса.

МЫ ВИДИМСЯ С ТОБОЙ ТАК РЕДКО

Вот гибкий тополь у твоих дверей,
Шиповника густая сетка.
О милая, ты выйди поскорей,
Мы видимся с тобой так редко.
Я жду тебя.
Я ухожу опять.
Родная степь зовет поэта в гости,
Смотреть на звезды и рассвет встречать,
Пить воду родниковую из горсти.
За горизонтом весело гремит.
Дождем запахло.
Задрожала ветка.
О милая, ты выйди хоть на миг,
Мы видимся с тобой так редко.
Легко плывут по небу облака,
Как будто нарисованные ветром.
Пусть будет и любовь моя легка,
Лучится пусть, как взгляд твой,
тихим светом.

Я жду тебя.
Смотрю в твое окно.
На каждом сердце остается метка.
О милая, я жду тебя давно,
Мы видимся с тобой так редко.
Взгляни, как дождь раскручивает нить,
Как струйки пряжей золотой повисли.
Но ты меня забудешь, может быть,
Напрасно буду ждать случайных писем
А думы вечно в сторону твою
Склоняться будут тополиной веткой.
О милая, ведь я тебя люблю,
Мы видимся с тобой так редко.
Весенний дождь проходит налегке,
Бросает перстни на поля, на крышу,
Ты покажись, хотя бы вдалеке,
Я буду счастлив, что тебя увижу.
Но где ты?
Тополь надо мною вновь,
Как девушка веселая, смеется.
О милая, счастливая любовь
Так редко в жизни нам судьбой дается.

Июль, 1936 г., Киев — Мариуполь.

РОДНЯ

Над землей нависли тучи,
Барабанит дождь сыпучий.
Между хмурыми домами
Только темень и вода
Журавлиный крик доносят.
Снова брови хмурит осень.
И над голыми ветвями
Тихо стонут провода.

Тишь никто не потревожит —
Нет на улице прохожих.
А туман густой и плотный,
Хоть рукой его бери.
Все дороги перепутал,
Как слепые, перед утром
Сквозь тягучие полотна
Чуть мерцают фонари.

Как снега, туманы тают.
Солнце новый день рождает,
День короткий, блеском меди
В окнах вспыхнули огни.
По земле стучат колеса.
Взмыл гудок звонкоголосый.
За стеной шумят соседи,
На завод спешат они.

По гудку я просыпаюсь,
Поднимаюсь, одеваюсь.
И знакомою сторонкой
Я шагаю налегке
Встретить утро на заводе.
И навстречу мне выходит
Черноглазая девчонка
В красном, огненном платке.

Говорю ей «Здравствуй!» взглядом.
Мы идем недолго рядом.
Но расходятся дороги,
Убегают из-под ног.
Как назвать девчонку милой?
Ниже голову склонила,
И в глазах ее нестрогих
Вспыхнул добрый огонек.

Над землей нависли тучи,
Барабанит дождь сыпучий.
И над голыми ветвями
Тихо стонут провода.
Как зовут ее не знаю,
Но, встречая, ощущаю
То, что высказать словами
Не смогу я никогда.

Хорошо, что есть на свете
Молодые чувства эти,
Чувства жаркие, как порох.
Наступила их пора.
Пусть бормочет дождь невнятно,
Нам без слов давно понятно.
Я, как брат родной, ей дорог,
А она мне — как сестра.

И когда идем мы рядом,
В каждом сердце зреет радость,
Ощущаю каждый день я,
Как она растет во мне.
Сколько родственников наших
Рубят уголь, землю пашут,
Сколько жаркого горенья
В нашей солнечной стране!

12 июня 1937 г., Боромля.

ПРИВЕТ

Осеннее поле
Травой не богато.
Задумался мальчик
Голодный, босой.

Ровесники в школе,
А он до заката
Чужую скотину
Пасет за рекой.

И стаями тучи
Плывут над ребенком,
Пожалуй, рукою
Подать до снегов,
Утрами холодными,
Коркою тонкой
Покрылась вода
У речных берегов.

По желтой стерне
Он идет за коровой.
Скользка, как змея,
Под ногами тропа.
Колючки на брюках.
Ни хлеба, ни крова.
Сиротская доля
Сера и слепа.

Сиротское сердце
Не ведает ласки.
Сиротские руки
Не знают тепла.
Сиротской судьбою
Он отдан в подпаски.
Надежда была,
Да и та уплыла.

Он кровью и потом
Богатство богатым
Копит, ничего не беря
У земли.

...Так было когда-то,
Так жили когда-то.
Те годы давно уж
Быльем поросли.

***

Так было когда-то
Так было когда-то!
Да мог ли он
Даже подумать о том,
Что станет хозяином
Жизни крылатой,
И труд его будет
Почетным трудом?

Страною счастливою
Кто не доволен?
В ней будни
От праздника не отличишь.
Днем в поле работаешь,
Вечером в школе
За партой над мудрою
Книгой сидишь.

Не жадность к наживе,
А дружба и братство,
Скрепленные кровью,
Роднят молодежь,
Дают ей, счастливой,
Такие богатства,
Которым вовеки
Цены не найдешь.

Вчерашний пастух
Уезжает в столицу,

Чтоб стать агрономом.
Он в песне воспет...
...Кто любит работать,
Кто любит учиться,
Примите от нас
Наш сердечный привет!

Май, 1934 г., Мариуполь.

ГРОЗА

Тихо.
Месяц.
Ночь светла.
Звезды далеки.
Зазвенели удила
Около реки.
Только где-то в камышах
Ветер был рожден.
И на миг весь мир запах
Проливным дождем.
Где деревья, пали там
Тени средь долин.
Режет тучи пополам
Молния вдали.
У плотины, где кусты,
Тополя дрожат,
Тихо шепчутся листы:
«Близится гроза»...
Месяц.
Небосвод глубок.
Звезды над рекой.
Пролетая, ветерок
Треплет ворот мой.
— Где ты, друг мой?

Отвечай?—
Ветер все поет.
Вспомню имя — и печаль
Сердце мне сожмет.
Нет ее среди полей,
Сколько ни зови,
Первой девушки моей —
Пламенной любви.
Выше этих тополей
Та любовь была.
Этой молнии светлей
Та любовь была.
И зеленою росла
Ветвью надо мной.
И над юностью прошла
Синею грозой.

КОРОТКАЯ РАДОСТЬ

Молотки стучат у тракта:
Тра-ка, тра-ка,
тра-ка-так!..
Зурнаджи залез на трактор,
Рядом с ним товарищ Шпак.
Зурнаджи по всем приметам
Исправляет колесо.
Шпак копается в магнето:
Неисправность налицо.
— Как дела на мирном фронте?—
К ним подходит бригадир.
Оба трактора в ремонте,
Оба трактора — «Джон Дир».
Глубоко земля прогрета...
Полосует дождь косой...
Но безмолвствует магнето,
Неподвижно колесо.

***

Бригадир приходит снова.
— Как дела твои, скажи,
Колесо уже готово?
— Да!— ответил Зурнаджи.
— А магнето?
— Дело чисто...
Как в аптеке на весах!
А не веришь трактористу,—
Заводи машину сам!—
И машины загудели.
Торопись да поспевай
Поднимать пары в артели
«Первомай».

***

Пыль клубится на дороге.
Впереди лежат поля.
Два соперника, как боги
Восседают у руля.
Сартана осталась сзади.
Зурнаджи на скорость жмет.
У него опять во взгляде:
«Мы посмотрим, чья возьмет!»
Он вперед идет, однако
Отставать не хочет Шпак.
А моторы:
тра-ка, тра-ка,
А моторы:
тра-ка-так!

***

Но прислушавшись к мотору,
Жмет на тормоз Зурнаджи:
Впереди его под гору
Что-то круглое бежит.
Протирает он ресницы,
Изогнул подковой бровь.
— Чтобы век ему крутиться!
Чтоб ему... слетело вновь!
Он со злости бьет в ладони,
Оставляя свой «Джон Дир».
Шпак смеется:
— Не догонишь,—
Очень шустрый «дезертир».
Я тебе помог бы в горе,
Только времени, брат, нет.
Передай моей Федоре
Самый пламенный привет!
Муженек, мол, постарался,
В нашем деле знает толк...
Но не долго Шпак смеялся:
Чхнул мотор его и смолк.

. . . .

И опять пришлось им туго
И заслуженно вполне.
Но клянут в душе друг друга:
«Это ты накаркал мне!»
Так бывает с хвастунами,
Кто готов порой любой
Посмеяться над друзьями,
А смеется над собой!

Май, 1935 г., Мариуполь.

ПРОУЧИЛИ

Был у нас в артели
Лодырь и бездельник
Степка.
Люди на наряде,
Степа жмется сзади
Робко.
Бригадир Степану:
— Степа, ты по плану
В поле.
Степа:— Сил нет, братцы!
Что мне, надрываться,
Что ли!
Сохну на работе,
Вы же, знай, орете:
«Степка!»
Что вы в самом деле,
Я один в артели
Только?
Бригадир с улыбкой:
— Раз такой ты хлипкий
Парень...
Ладно, шут с тобою,
Но придешь зимою
Даром.
...Вот зима приспела.
Меньше стало дела
В поле.
Кто работал честно,
Получай, известно,
Долю.
Прибавляя пару,
И Степан к амбару
Мчится:
— Раз пришла расплата,

Насыпай, ребята,
Пшеницу.
Бригадир с порога:
— Получаешь много,
Степа!
Подставляй карманы,
Коль они не рваны.
Топай!
Подставляй-ка, ну же!
Просит, не моргнувши
Глазом.
Вся твоя пшеница
Может уместиться
Разом.
Степа брать не хочет.
А народ хохочет:
— Доля!
Сил нет так смеяться,
Что нам, надрываться,
Что ли!
Степа:— Ладно, братцы!
Хватит вам смеяться,
Верьте!
Я дела налажу.
Коль совру — накажут
Черти!

ХОРОШО СКАЗАЛ

Огонь,
и дым,
и шум вокруг:
— Веди скорей вола нам!
— Где бригадир?
Эй, запрягай!

— Да где же Иорданов?
— Кати телегу!
Бочку ставь!
— Живее!
Не копаться!
— Слышь, Алексей, найди ярмо!
— А где занозы, братцы?
— Абре-е, не гаснет?
— Нет, горит!
Пылает знаменито!
— Гей, цоб!
— Да не гони вола,
Не видишь, сбил копыта.
— Я припугну его слегка,
Забудет все увертки.
Тр-р! Йорка, бочку обвяжи,
Совсем рассохлись клепки.
...Чуть позже.
— Цоб! Эй, цоб! Цабе!
— Гони!
— Давай живее!
— Зачем? На выпивку спешим?
Боишься, не поспеем!?
...Тр-р-!..
Во дворе полно людей.
Взлетает пламя выше.
Уже огнем сарай объят
И провалилась крыша.
— Сейчас приедут!
— Вот они!
— Стой!
Уходи с дороги!
Кричит пожарным бригадир:
— Эй, не сожгите дроги.
Смотрите в оба у меня!
Вам это что, не ясно:

Пустую бочку у огня
Держать, друзья, опасно.

***

Со стороны сказал один:
— Им надо дать по стопке,
Как в этой бочке без воды,
У них рассохлись клепки!

ШУТКА

Расскажу я вам, ребята,
Что случилось в старину.
Как-то раз пошел я, братцы,
Сватать девушку одну.
— Что хорошего нам скажешь?
— Что скажу?—
Им говорю.—
Я посвататься желаю,
Вашу дочку я люблю.
А хозяин и хозяйка
Щурят хитрые глаза:
— Мы хотели «нет» ответить,
Не находим гарбуза.
— Зря искали,— говорю им,—
В кладовой и на базу,
Ведь у вас на каждой шее
По пустому гарбузу.

ПРОГОВОРИЛСЯ

В воскресенье светлое Христово
(Выслушай: что, смех тебя берет?!)

Слушал батюшки божественное слово
В церкви переполненной народ.

Источали мед его уста:
Говорил он, как Мария-дева
Увидала крошечку-Христа
В темноте заброшенного хлева;

Как пешком, по множеству дорог,
Шел уставший и больной Иосиф,
Далеко оставив свой порог,
Инструменты плотницкие бросив:
Как кричал от голода Христос,
Как в пеленках мокрых ночью мерз!

Красноречьем батюшка захвачен,
Не дает себе передохнуть...
Слушатели захлебнулись плачем.
Как бы им в слезах не утонуть!

Проповедь прервав на полуслове,
Поп сказал с укором и досадой:
— В воскресенье светлое Христово
Проповедь спокойно слушать надо.

Я и сам не знаю достоверно,
Жил ли на земле Христос несчастный.
Так поберегите свои нервы
И не проливайте слез напрасно!

ИОСИФ И МАРИЯ

1

Так заведено — не нам уж
Дискутировать о том —

Коль девчонка вышла замуж,
Значит, быть ей с муженьком.

Обниматься, миловаться,
Прижимать уста к устам.
Ну, а что же делать старцу,
Коль орех не по зубам?

Если кровь огня не просит,
Разве будет счастлив брак?
Не задумался Иосиф,
Дряхлый плотник, божий раб.

Только на одно мгновенье
Он, не знающий любви,
Вдруг почувствовал волненье
В потухающей крови.

Посылает к Мане сватов,
Лучше Мани в мире нет!
Жениху — седьмой десяток,
Молодой — семнадцать лет.

2

Победней церковной мыши
Эта девушка жила.
Ничего тут не попишешь!
Все подарки приняла.

После свадьбы
вздохи, толки
Часто слышала она:
С осенью, мол, мертво-желтой
Обручилася весна!

Скучно ей, как в богадельне,
Маню молодость томит.
Ночью на софе отдельно
Дремлет, бедная, не спит.

Муж — развалина седая —
Возле печки сон обрел.
Он во сне долбит, строгает
Табуретку или стол.

3

Вечер звезды золотые
В небе радостно зажег.
Мужа не было. Марию
Потянуло за порог.

Эх, Иосиф-простофиля!
Речь ведет с твоей женой,
Как с голубкой сизокрылой,
Парень — голубь молодой.

4

Бросил тени новый вечер
На софу, иконы, стол.
Лишь зажгла Мария свечи,
Парень в горницу вошел.

. . . .

— Маня! Ты — моя святыня,
Без тебя я изнемог.
Будем жить с тобой отныне,
Как с голубкой голубок.

Чудный клад в себе ты носишь,
Покажу, что делать с ним.
А когда настанет осень,
Мы с тобою убежим.

Молодец ласкает нежно
И ведет ее в сарай.
Там на стружках белоснежных
Им земной открылся рай.

А Иосиф, а Иосиф
Все считает медяки.
Эта медь, как листья в осень,
Струйкой сыплется в чулки.

5

Счастье на земле не вечно,
Счастье вырвалось из рук.
Помахал рукой сердечный,
Улетел любимый друг!

Горюшко одно не ходит,
Водит за собой друзей.
Сплетни поползли в народе
Все настойчивее, злей:

Ходит женщина брюхата.
Как же это? Как же вдруг?
Может, чудо виновато?
Муж-то знаем, что за фрукт.

Маня на софу ложится:
— Позовите бабку мне!
Ох, как ломит поясницу!
Будто ходят по спине.

Бабка Мане подмигнула:
— Знаем страхи мы твои!
К чьей груди сама прильнула,
Разомлевши от любви?

Так, читатель, и случилось
В день, когда стоял мороз —
Маня сыном разрешилась.
Нарекли его Христос.

Хлопает отец глазами:
— Что мне ангел говорил!
У сынка ж — глядите сами —
Нет ни перышек, ни крыл.

7

А теперь я — покороче,
(В окна движется рассвет!)
Церковь басней нас морочит
Около двух тысяч лет.

И Иосиф и Мария —
Это выдумки попов.
Понимай дела такие,
Если ты не бестолков!

На обмане, на обмане,
Только лишь на почве лжи
Церкви держится фундамент,
Ей нужны лишь барыши!

Пред тобой бежит дорога,
К жизни сказочной зовя.
И без ангелов, без бога
Эта вся земля — твоя!

Собственную жизнь не ты ли
Держишь сам в своих руках?
Небеса мы покорили,
Мы — хозяева в морях.

И к чему стремятся люди,
Обязательно дойдут!
И всему, что есть и будет
На земле —
хозяин Труд!

Каждый, тянущий вериги
Божьей веры! Мой совет:
Ты возьми-ка в руки книги,
В голову проникнет свет.

— Мир извечен и нетленен,
И не боги мир мостят!
Так сказал великий Ленин:
Вера в бога — это яд!

СКАЗКА О ВОЛКЕ И ЛИСЕ

ПРОЛОГ

Было это так, ребята:
Где-то, как-то и когда-то
За подрубкою сукна
Мы сидели у окна.

Снег в ложбинах и оврагах
Был, как чистая бумага,
Но на ней уже чуть свет
Отпечатал зайка след.

У сарая, у забора —
Появились всюду горы:
Намела метель снега,
Как высокие стога.

Целый день в шубенке древней
Дед Мороз бродил в деревне,
На ветвях для красоты
Вешал инея цветы.

На стекло подул, и вскоре
Стало все оно в узоре.
Тут к долине из села
Тропка деда повела.

Задержался он у моста —
Мост разрушила вода.
Улыбнулся дед и просто
Новый выстроил из льда.

А у нас свои заботы:
Много сделано работы,
Но пора бы знать ей честь —
Надо нам ведь и поесть!

А потом, как говорится,
И послушать небылицы,
То есть — быль без хвастовства:
Молодежь ведь такова.
Ужин дружно уплетаем.
То да се — сидим болтаем.

Мы такие, мы сякие,
Мы отважнейший народ.
А хозяйка Кирикия
Снова молча шерсть скубет.

На купан хозяин лег —
То ль устал он, то ль продрог.
Дети возятся, как мыши.
— Ну-ка, дети, тише, тише!

А у самого простенка,
У печи старуха Ленка
Пряжу прялкою прядет.
Ей уже который год!

Все устали, все умолкли.
Воет вьюга или волки?
Ветер ли стучит в окно?
Иль поет веретено?

Баба Ленка, хватит прясть,
Не напрялась ли ты всласть?
Році эту отложи —
Лучше сказку расскажи!

Ночь большая впереди,
Просим сон: не приходи!

Бабка глянула в окошко:
За окошком темнота.
— Развлекусь и я немножко,
Знаю их не меньше ста.
Сдвиньтесь все сюда поближе.
Уговор: сидите тише...

«Жил да был...»— за сказкой сказка
Едет, словно на слазках.

Слушать мы всегда охочи
Хоть до самой поздней ночи!

— О Волке и о Лисице
Расскажу вам, малыши.
И слова, как будто спицы,
Заработали в тиши.

1

— Может быть, недавно...
Или,
Может быть, давным давно
(С вами мы тогда не жили
И не знаем все равно)

Между небом и землею,
А точней — в глухом лесу
Встретил утренней порою
Волк коварную Лису.

Лишь всего одна забота
У Лисы-плутовки есть:
Не иметь совсем работы
И всегда иметь что есть.

У нее кривая тропка:
Побежит по ней торопко,
Стянет где-нибудь жратву
И ложится спать в траву.

Дни за днями пролетели,
А за ними и недели,
Месяц к месяцу, и вот
Получился целый год.

Солнцу рано встать не лень —
К нам пришел хороший день.
Солнце за гору заходит —
Ночь холодная приходит.

Ночь пройдет — и вновь рассвет:
Здравствуй, солнца ясный свет!
Ни конца и ни начала —
Все опять идет сначала.

Вот подул легонько ветер,
По лесной тропе пыля,
Разбудил он дуба ветви
И погладил тополя.

И деревья встали будто,
Улыбнулись: «С добрым утром!»
И к деревьям, что вокруг,
Протянули сотни рук.

Мишки бурые проснулись,
Належавшись на боку,
И, зевая, потянулись
Умываться к роднику.

Над водой — маслины куст,
Залит солнцем он и густ.
А сама вода — она
И вкусна и холодна.

В балке зайцы на виду
Заиграли в чехарду.
Осторожно и с опаской
По тропе прокралась ласка.
На охоту вышел волк —
Все зубами щелк да щелк.

Прячется зверек, а птица
Вовсе волка не боится:
Льются птичьи голоса
С веток — прямо в небеса.

Все поют, и только совы
Ненавидеть всех готовы!

Солнце встало.
Два крыла
Поднимают ввысь орла,
И летит, седоголов,
Царь синичек и щеглов.

День настал, и все живое
Радо от души ему:
«Здравствуй, солнце молодое,
Ты из рощ прогнало тьму!»

2

Вы же знаете, ребята:
В сказках правды маловато —
Может, было, может,— нет:
Кто нам точный даст ответ?

Сказке можно и не верить:
В сказке птицы, в сказке звери.
Все же, малый, не зевай
И себе на ус мотай.

Дальше в лес ведет дорожка —
Волк на ней встречает кошку.
— Волк, к тебе вопрос простой:
Отчего ты холостой?

— Подожду еще жениться...
— Но тебе уже под тридцать:
Звери в возрасте твоем
Все уже имеют дом.
Завести семью пора!

Я вот мамою вчера
Стала — и довольна очень!
Жизнь — она ведь вмиг проскочит,
Без детей — какой в ней толк?
Ты о том подумай, Волк!

Кошка скрылась.
По дороге
Вновь мелькают волчьи ноги.
Вот и кончился лесок.
Веет легкий ветерок.

Волк задумался:
«Конечно,
Правда есть в словах ее:
Одинок я бесконечно —
Что же это за житье!

Рыщу я в лесу, как ветер,
Я один на белом свете,
Некому и приласкать —
Надо мне жену искать!»

Думу думает, вздыхает,
Глядь: Лисичка под кустом
Своим собственным играет
Замечательным хвостом.

Шубка лисья на меху...
Волк закашлялся: «Ка-ху!»
Сделала Лиса прыжок:
— Что ты скажешь, Волк-дружок?

А волчище перед нею
И краснеет и бледнеет:
— Я тебя, Лиса, люблю,
Стать моей женой молю!

Ты красива и умна —
Будешь славная жена.
Не встречал таких нигде я:
Что за глазки, что за шея!

Шепчет Волк Лисице льстиво:
— Ты, Лиса, лесное диво.
Моя жизнь — в твоей судьбе.
Нравлюсь ли, скажи, тебе?

Ты одним лишь только словом
Осчастливишь и убьешь.
Ты ответить мне готова,
Замуж за меня пойдешь?

Прогони мое ты горе —
Ты пойди со мной к венцу...—
Чтоб там ни было, но вскоре
Разговор пришел к концу.

И «хозяин» и «хозяйка»
Вместе в лес идут лужайкой.
Волк, задрав свой нос, несется,
А Лиса тайком смеется.

Обмануть — ее привычка.
«Стой-ка,— думает Лисичка,—
Счастья столько принесу,
Что запомнишь ты Лису!»

3

Вы же знаете, ребята:
В сказках правды маловато —
Может, было, может,— нет:
Кто нам точный даст ответ?

4 5172

Сказке можно и не верить:
В сказке птицы, в сказке звери.
Все же, малый, не зевай,
И себе на ус мотай.

Думал Волк: решил задачу!
Он от счастья чуть не плачет:
Свадьба будет скоро!
Вот
Он гостей к себе зовет.

Гости выпили вино
И домой ушли давно.
Волк с Лисицей стали жить,
По-семейному дружить.

Дни за днями пролетели,
А за ними и недели.
Месяц к месяцу — и вот
Получился целый год.

Солнцу рано встать не лень —
К нам пришел хороший день.
Солнце за гору заходит —
Ночь холодная приходит.

Ночь пройдет — и вновь рассвет:
Здравствуй, солнца ясный свет!
Ни конца и ни начала —
Все опять идет сначала.

Допоздна Лисичка сладко
Спит-поспит в своей кроватке,
Волк-супруг встает чуть свет,
Чтоб добыть жене обед.

По излесью на охоту
Волк, не выспавшись, бежит.
Видит: под кустами что-то
Непонятное лежит.

«Что там? Мы сейчас проверим!»
Волк глазам своим не верит:
Меду перед ним горшок —
Не почат и на вершок.

Волк от радости, как пьяный.
Впрочем, каждый был бы рад,
Если б он нашел нежданно
Золотой душистый клад.

Спрятал Волк горшок в лесу
И зовет свою Лису:
— Просыпайся, мой дружок,
Меду я нашел горшок!

Одевайся, дорогая,
Ненаглядная, родная,
Мы его с тобой вдвоем
Быстро в дом свой принесем!—

Вышли оба и ворота
Запирают на замок,
Чтобы не было охоты
Вору влезть в их теремок.

Долго, коротко ли шли —
В общем, к вечеру дошли.
Рады, что горшок их цел —
Мед никто без них не съел.

— Ай-Сотырос скоро будет,—
У Лисы лоснится мех,—

До него, считают люди,
Кушать мед — великий грех.

Надо нам пока поститься,—
Волку говорит Лисица.
Мозг у Волка жидковат —
Волк всему на свете рад.

Провела Лиса-проныра
Мужа ловко, как всегда.
— Подождем до ай-Сотыра,—
Волк ответил,— не беда!

Стали спорить муж с женою:
Где же спрятать им горшок?
Как лучиною, луною
Освещен был весь лужок.

Пораскинул Волк умишком:
— Да в сарае, где дровишки,
Можно спрятать хорошо,
Чтоб воришка не нашел.

— Что ты?— глянула на друга
Изумленная подруга.—
Сразу там его найдут
И в два счета украдут.

Видишь: ямка под густою,
Под дремучею сосною?
Мы горшок запрячем здесь
И землей засыпем весь!

Улыбается пройдоха,
Обаятельно нежна.
Отвечает Волк:— Неплохо
Ты придумала, жена.

Вижу я: дано от бога
И тебе ума немного!

Слово за слово... Но все же
В землю был горшок положен.
Поднасыпали земли
И вдвоем домой пошли

На коре сосновой хрупкой
Оба сделали зарубку,
Чтобы знать к горшку пути,
Чтоб легко его найти.

4

Потихоньку, словно бремя,
Дни в корзине тащит Время.
Село Время на пенек —
Длинный выдался денек.

Волк с Лисицей, пообедав,
Кончив мирную беседу,
На диване улеглись,
Сном приятным увлеклись.

Волку сон хороший снится...
А Лисе совсем не спится:
Притворилась, будто спит —
Даже чуточку храпит!

Нелегко ей в полутьме —
Мед все время на уме.
Где же выход?
Выход прост:
Ей пришел на помощь хвост!

По полу Лиса сначала
Им легонько постучала,
А потом сильней: тук-тук!
Разбудил супруга стук.

Волк проснулся:— Вот обида,
Не дают поспать, Елпида,
Даже позднею порой!
Встань-ка, женушка, открой!

Кожушок надень, жена:
Ночь, наверно, холодна.
Но не зажигай огня —
Скажешь, дома нет меня...

Встала Лисанька и к двери,
С кем-то шепчет-говорит.
Волк, конечно, ей поверил,
Он уже почти что спит.

Вот Лиса вернулась тихо:
Просит Заяц, мол, простить:
Сына родила Зайчиха —
Сына надобно крестить!

Подняла Лисица хвостик:
— Собирайся, Миша, в гости!

— Что ты — спятила с ума?
Спать хочу — иди сама!
Тихо выскользнув из дома,
По тропе, что ей знакома,
Весело Лиса бежит,
К меду сладкому спешит.

Прибежала и за дело
Принялась, сняв кожушок:

Меду сколько нужно съела
И зарыла вновь горшок.

Улыбается плутовка:
— Провела я лихо Волка!

Изогнула дужкой бровь:
— Покажу ему любовь!
В будний день и в выходной
Он намается со мной!

И обратно поскакала.
А супруг сердит:— Жена,
Где ты только пропадала,
Отвечай мне, допоздна?

А Лисица, выгнув спину,
Отвечает — хвост трубой:
— Мне б на этих на крестинах
Лучше было бы с тобой!

У Зайчихи не ребенок —
Настоящий дьяволенок.
Не малыш, а просто клад.
Ты бы, Миша, был бы рад!

Ели сытно, ели вкусно:
Мне мясцо, а им — капуста.
А вино — рекой лилось.
Без тебя мне пить пришлось...

Был Медведь — хозяин леса.
Суслик был — большой повеса.
Все я думала скорбя:
Нет лишь, Мишенька, тебя.

Танцевали мы и пели —
Был у нас веселый бал.
Целый вечер на свирели
Кот Василий нам играл.

Стрекоза — на мандолине.
На зурне играл бычок.
Два козла посередине
Вместе дергали смычок.

А потом и в бубен били
И в рога свои трубили.
Крыса, словно истукан,
Лапой била в барабан.

Два веселых индюка
Выбивали трепака.
С ними сыпал дробь петух,
Зазывая молодух.

Пляшут, видно, и теперь.
Я же выскользнула в дверь...—
Волк заметил ей ворчливо:
— Расплясались, эко диво:

Дела нету, вот и пьют,
Спать соседям не дают.
Ты скажи, моя душа,
Как назвали малыша?—

Глазки Лисанька раскрыла:
— Разве я не говорила?
Назван был тот дурачок
Нами всеми Первачок!

5

Много ль дней прошло иль нет —
Кто нам даст на то ответ?
Днем иль вечером опять
Волк, поев, ложится спать.

Вновь Лиса тревогой ложной
Волка будит осторожно,
Снова хвост ее — тук-тук!—
Тишину прорезал вдруг.

Волк проснулся:— Эй, Лиса,
Слышу чьи-то голоса.
Постучал бы я, поверь,
Лбом бы чьим-нибудь о дверь!—

Вышла Лисанька к дверям,
Пошепталась с кем-то там.
Слышит Волк едва-едва
Различимые слова,
А Лиса вернулась вновь,
Изогнув дугою бровь.

— Дорогой, любимый Миша,
Ты, конечно, все услышал?
Вот пошли в лесу дела:
Вновь зайчиха родила!—

— На крестины?!— гаркнул Волк.—
Ну какой, жена, в них толк?
Я посплю здесь, не буди.
А крестить — сама иди!

***

Вышла Лисанька из дому
И тропинкою знакомой
Побежала к тайнику,
Чтоб поесть в лесу медку.

Вот она горшок достала
И наелась до отвала.
Снова спрятала потом
Тот горшочек под кустом.

Съела ровно половину,
Может, даже больше чуть...
С лап своих стряхнула глину
И скорей — в обратный путь.

— Нынче, как это ни странно,—
Волк Лисице говорит,—
Ты, жена, вернулась рано.—
У него довольный вид.

— Знать, Лиса, мне интересно:
Кто там — крестница иль крестник?—
— Добрый малый, славный сын,
А назвали — Середин.

6

Звездочкам светить не лень.
Ночь на улице, как день.
В доме жарко, в доме душно.
Вам уже, наверно, скучно?

Если скучно, то скажите,
Бабу Ленку побраните,

Чтобы сказку покороче
Говорила среди ночи!

Много ль дней прошло иль нет —
Кто нам точный даст ответ?
Днем иль вечером опять
Волк, поев, ложится спать.

Вновь Лиса тревогой ложной
Волка будит осторожно,
Снова хвост ее — тук-тук!—
Тишину прорезал вдруг.
Волк проснулся:

— Эй, Лиса,
Слышу чьи-то голоса.
Лбом бы чьим-нибудь о дверь
Постучал бы я, поверь!—

Вышла Лисанька к дверям,
Пошепталась с кем-то там
И назад вернулась вновь,
Изогнув дугою бровь.

Говорит Лисица тихо:
— Родила опять зайчиха.
Надо зайцев навестить,
Чтоб малышку окрестить.—

Волк жене своей в ответ:
— Не хочу идти я, нет.
Не своди меня с ума
Лучше ты иди сама!

Но коль поздно ты придешь,
Мужа дома не найдешь:

В эту ночь твой муж пойдет
Кушать вкусный сладкий мед!—

— Что ты, Волк?— Лиса сказала.—
Чтобы я — да опоздала?
Очень я люблю медок,
Мигом я вернусь, дружок!—

Догадались вы, наверно,
Мчится Лисанька куда
По своей тропинке верной —
К меду спрятанному? Да!

Снова вынула горшок
И отъела на вершок,
А затем медок она
Весь повыскребла до дна.

В яму бросила потом
Тот горшочек кверху дном.

— Будет точно так же с теми,—
Топнула она ногой,—
Кто напрасно тратит время,
Чтоб командовать Лисой!—

Аккуратно забросала
Яму всю и побежала
В холодеющую тьму,
Прямо к дому своему.

— Жду давно, супруга, вас!
— Ах, прости — в последний раз...
— Кто у зайцев — сын иль дочь?
— Сын. И весь в отца, точь-в-точь.
— Снова сын? Скажи на милость,

Что с зайчихою случилось?
Сына третьего родит!
Как назвали?—
— Опрокид...
— Из него не будет толку,
Говорит Лисица Волку.
— Ладно, отдохни чуть-чуть,
Отдышись — и двинем в путь.
Мы себя вознаградим:
Нынче весь медок съедим!

7

Вышли, заперли свой дом,
К тайнику идут вдвоем.
Долго, коротко ли шли,
Но в конце концов пришли

К месту тайному, где метку
Сделал Волк когда-то веткой.
Тишина стоит кругом.
К яме Волк спешит бегом.

— Я до сладкого охочий,—
Шепчет он Лисе в тиши.—
Ждать, родная, нету мочи,
Эх, наемся от души!—

Волк к кусту подходит прямо.
Миг — и вся разрыта яма.
— Посмотри скорей, дружок:
Меда нету! Пуст горшок!

Здесь ворюги побывали
Под покровом темноты...
Погоди, о меде знали
Мы с тобой лишь — я и ты.

Глупым был я до сих пор.
Знаю я, кто этот вор!
Хвост Лисица не лижи,
Ты ли съела мед — скажи?!

«Надо зайцев навестить,
Чтоб малышку окрестить...»
Жидкий мозг, болван, глупец!
Все я понял наконец!—

— Это ты, коль разобраться,
Лгал жене своей всегда:
Я ходила в гости к зайцам,
Ты же, Волк, ходил сюда!

Ты известен всей округе
Как любитель сладких блюд.
Позабыл ты о подруге,
Это ты съел мед, верблюд!—

Долго спорили иль нет —
Кто нам точный даст ответ?
Солнце вышло из-за гор —
Утихает жаркий спор.

— Полежим на солнце вместе,—
Говорит Лиса,— в кустах;
Станет вор тогда известен —
Пена выйдет на губах.

Так они и порешили.
Веток мягких настелили,
Улеглись на них вдвоем,
Каждый — кверху животом.

Вот они лежат, как туши,
От жары развесив уши.

Словно речка, зной течет,
Животы печет, печет.

Волк, бедняга, был усталый,
Ныли кости старых лап.
И лисица услыхала
Вскоре громкий волчий храп.

А лучи все припекают —
Далеко еще заход...
Пасть Лисица открывает —
Из нее медок течет!
Хоть Лиса закрыла рот,
Но из пасти каплет мед.

Волк храпит. К нему поближе
Придвигается жена,
В нос его тихонько лижет
И целует в нос она.

Не придумать шутки злей:
Мед ведь липкий, будто клей,
Вся в нем волчья голова,
Липнет к ней уже трава!

Вот Лисица облизнулась,
Капнула в последний раз.
Улеглась, потом «проснулась»,
Приоткрыла левый глаз.

— Эй, проснись, вставай, ворюга!—
Будит Лисанька супруга.—
Глянь-ка на себя, дружок:
Кто ж заглядывал в горшок?!
Строил из себя святого,
На других валил вину...

Для бесстыдника такого
Не найти нигде жену!

Ты же — соблазнитель гадкий,
Ты к добру чужому падкий,
И, любовь свою рубя,
Покидаю я тебя!

На крестины гнал меня
Не для этого ль три дня,
Чтобы медом объедаться,
Надо мною насмехаться?

Ты обдумал все заране,
Сердце ты мое изранил.
Ухожу. Прощай. Ты глуп,
Как вот этот старый дуб!

Волк нежданно овдовел —
Он опять осиротел!
Пуст горшок уже, и сказка
Уезжает на салазках.

***

Есть смешные сказки, дети,
Есть и грустные на свете.
Много разных сказок есть —
Все нельзя и перечесть.

Сказку складывают складно
Про пичуг и про зверей.
Есть меж строк ее нарядных
Кое-что и про людей.

Иногда лисицу встречу,
Постучавшись в некий дом.
Иногда в селе навстречу
Волк идет мне ясным днем.

Сказка — выдумка, но все же
Доля правды есть и в ней.
Сказка жить тебе поможет,
Если сдружишься ты с ней.

...Звездочкам светить не лень —
Ночь на улице, как день.
Тихо, лунно и морозно,
И уже, наверно, поздно.

Если спать из вас кто хочет,
Я скажу: спокойной ночи!
Кто не хочет — у печи
Посиди и помолчи.

Вот еще, ребята, сказка
Едет к дому на салазках.
Коль хотите — не засну:
Расскажу еще одну!

Ноябрь 1934 г.— июнь 1937 г.,
Одесса — Мариуполь,
Москва — Ирпень — Боромля.

ВЕСЕННЕЕ УТРО

Светает. Тихо. За курганом
Восток румянится слегка...
Недвижным длинным караваном
Стоят на небе облака.

Туман поднялся легким паром
И тихо тает в синеве...
Светлеет небо, гаснут звезды:
Роса сверкает на траве.

А вот и первый луч привета
Взглянул украдкой на поля...
С румяным утром солнце лета
Встречает радостно земля.

Прохладный ветер шаловливо
Согнал с небес покой и лень.
И на земле по желтым нивам
Скользнула облачная тень...

Май, 1921 г.

***

Есть и в небе тоже тайна смерти.
Над землей приветливо сверкая,
Вдруг звезда погаснет одиноко,
Золотые искры рассыпая.

Были люди в нашей темной жизни:
Они шли отдельною дорогой,
Одиноко, гордо умирали
С затаенной скорбью и тревогой.

Они звали к лучшей жизни; люди,
Их словам рассеянно внимая,
Шли вперед избитою тропою,
Ни себя, ни их не понимая...

Октябрь, 1921 г.

ОСЕНЬ В ЛЕСУ

На ветках кое-где листы
Еще трепещут сиротливо...
Следы минувшей красоты
Сметает ветер торопливо.

Затих в лесу веселый шум.
Не видно птиц, не слышно пенья,
И я на хмурый спящий лес
Гляжу с улыбкой сожаленья.

Так в жизни тоже. Красота
Грустна во время увяданья,
Но, недостойная любви,
Она достойна состраданья!

Октябрь, 1921 г.

ЦАРЬ-ГОЛОД

Выжженной степью, безлюдными селами
Грозный Царь-Голод идет.
Слуг своих кличет словами веселыми,
Свищет и песни поет.

Песни доносятся в дальние стороны...
Чуя свое торжество,
Всюду слетаются черные вороны,
Верные слуги его.

Шествует голод с обширною свитою,
Дальше и дальше идет...
Страшный пришелец из дому и с Родины
Толпами гонит народ.

Путь перед ними* тяжелый и долгий,
Многих лишает он сил...
Сколько их будет по берегу Волги
Хмурых бескрестных могил!

Бог, равнодушный к людскому несчастью
Многих заставил страдать,
Многих заставит для крова и хлеба
Душу и тело продать!

Сердце горячее, сердце народное!
Ты ли не знало тревог,
Ты ль не твердило молитвы бесплодные,
Веря, что слышит их бог!

Он не услышал, но люди услышали...
Братья помогут тебе...
Братство народов с святыми заветами
Крепнет в нужде и борьбе!

Ноябрь, 1921 г.

ПУТЕВОДНЫЙ ОГОНЕК

Пускай во мраке предрассветном
Мой путь и труден и далек —
Меня бодрит лучом приветным
Мой путеводный огонек.

Не падай духом, брат усталый!
Придет счастливая пора,
Проснутся в людях идеалы
Свободы, правды и добра;

* Путь беглецов и...

Восторжествует труд народный
И дружно оживит поля,
И после войн вздохнет свободно
Многострадальная земля;

И светом знанья озаренный,
Пытаясь истину найти,
Народ, душою обновленный,
Пойдет по новому пути;

И в жизни новых поколений,
Поймет и нас далекий брат,
Среди непонятых стремлений
И неоцененных утрат...

Февраль, 1922 г.

***

Сегодня Пасха. Звон колоколов
Вновь пробуждает рой людских мечтаний...
О, сколько было вдохновенных слов,
Благих надежд и добрых начинаний!

Но где плоды? В тяжелые года
Двадцатого скептического века —
Придет ли день, тот светлый день, когда
Любовь воскреснет в сердце человека!

Апрель, 1922 г.

ЖИЗНЬ

Жизнь — шумный пир страстей; развратный балаган,
Где баловень судьбы бесстыдно веселится.

Жизнь — пестрый маскарад, где царствует
обман...
Для сильного — дворец, для слабого —
темница!

Я «царь природы»— жалкий шут!— увы,
Не в силах разорвать, разбить оковы рабства...
Куда идти? Что делать? Где же вы
Любовь, свобода, равенство и братство?!

Май, 1922 г.

КРАСНОАРМЕЙЦУ

Товарищ, кто путь приготовил тебе,
Борьбу твою сделал победной,
Те гордо погибли в неравной борьбе,
По тюрьмам исчезли бесследно.

Товарищ, чти память их славных имен,
Храни их от века до века
И знай, что ты должен под сенью знамен,
В себе воспитать человека!

Май, 1922 г.

***

Наша жизнь как море в бурю.
Со стихией вечно споря,
Мы плывем по грозным волнам
Средь бушующего моря.

В шуме волн и в свисте бури,
Злым порывом парус рвущей,

Слышен нам призыв сирены,
К тихой пристани зовущей.

Кто к ней смело путь направит,
Тот о камни разобьется,
И судьба над новой жертвой
Добродушно посмеется!

Август, 1922 г.

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ ФИЛИППОВИЧА ЯГУПА

(1905—1922 гг.)

Была пора. Нам жизнь дала любовь,
Дала веселье шумное, живое...
То время не вернется вновь.
Нас было четверо, теперь осталось двое...

Один, быть может, жив, и на Волыни он
О прошлой жизни долго помнить будет...
Другой же погружен в холодный вечный сон,
Его никто в могиле не разбудит...

Он там, где нет ни радости, ни слез...
Кто приговор суровый произнес,
За что погиб он жертвой искупленья,
Не кончив своего заветного стремленья?

Ужалила его судьба-змея.
И вот его томит молчанье роковое...
Распалась дружная семья.
Нас было четверо, теперь осталось двое...

Он рвался к свету, он стремился в даль,
А там... нашел покой и мрак могилы...

Так, видно, суждено, товарищ милый!
Где больше счастья — там черней печаль...

Свободы и любви и правды юный воин,
Поэт и человек безвременно угас...
Он навсегда ушел от нас!
Да будут прокляты тот день и час,
Когда он смертью был навеки успокоен!

Декабрь, 1922 г.

Люблю я осень... Желтые листы
И крики птиц, летящих вереницей,
И милые, счастливые мечты
Над неоконченной страницей...

И чудится в мечтах порою счастье мне:
Отзывчивой души слова привета, ласки...
Мне слышатся они как в детстве, в полусне
Знакомые слова почти забытой сказки...

Но светлый миг пройдет, осенние мечты
Не воскресят в душе моей веселья...
Они как жалкие ненужные цветы
В холодном мраке подземелья...

Декабрь, 1922 г.

***

Если жизнь твоя темна как ночь,
И устал ты в поисках любви,
Никого на помощь не зови:
Все равно ведь некому помочь!

Кто придет на помощь, слыша весть?
Свежей раны сердца не тревожь,
Знай: тоску, отчаянье и ложь
Много лучше молча перенесть!

Декабрь, 1922 г.

***

Среди песен со зверскою жаждою крови,
Где проклятье всему раздается,
Слышу я неизменную песню любви,
Что в душе человека поется.

Среди шумно-кровавого пира войны,
Средь людей, обреченных на муки,
Далеко-далеко мне порою слышны
Этой песни призывные звуки.

Я избрал себе новый, неведомый путь.
И любовь, огонек путеводный,
В бесконечных скитаньях бодрит мою грудь
Как оазис в пустыне бесплодной...

Декабрь, 1922 г.

***

Е. С.

Как пред бурей в душе у меня тишина,
Я далек от навязчивых дум и тревог...
Если б только словами я выразить мог,
Чем душа моя в это мгновенье полна!

Я б тебе рассказал, как тебя я люблю,
Сколько юных надежд вновь воскресло во мне,
Как невольно стремяся к далекой весне
Обновляю любовью я душу свою...

Точно птица за птицей — мечта за мечтой...
Зимней ночью повеяло в душу весной.
Свет лампадки узоры окна серебрит...
Я мечтаю... Душа о тебе говорит...

Февраль, 1923 г.

Доброй памяти Г. Ф. Галле

Предательский удар... коварный,
беспощадный...
И приговор судьбы произнесен!
В раскрытые объятья смерти жадной
Рукой жестокой брошен он!

И жизнь как челн, подхваченный волнами,
Унесена в неведомую тьму...
Нет силы думать: нет его меж нами!
И говорить: мир праху твоему!

Декабрь, 1923 г.

Выйди в поле и стань на высокий курган,
И на царство весны посмотри...
На востоке поднялся волнистый туман,
Золотится полоска зари.

Просыпается степь от короткого сна...
Всей душой полюби ты ее:

Она юной душе и близка, и родна,
Она сердце разбудит твое...

В ясный день тебе грезы навеет она...
Посмотри сколько жизни вокруг,
И пойми, что в душе твоей тоже весна,
Сердце ждет пробужденья, мой друг.

Май, 1922 г.

ВЕСЕННИЙ ВЕЧЕР

В майский вечер над деревней
Колокольный звон напевный —
Вдохновитель жизни древней —
Уносился вдаль...

И скрывались в звуках нежных
Грусть мечтаний безнадежных
И прожитых дней мятежных
Счастье и печаль.

Нежных звуков переливы
Таяли как дым...
И река, и лес, и нивы —
Все внимало им!

Лес затих... Между кустами
Притаилась тишь...
Над рекой поник листами
Молодой камыш...

И, склонясь к воде зеркальной,
Чутко слушал он
Тихий, дальний, музыкальный
Колокольный звон...

Май, 1922 г.

ЛИСТОПАД

Я люблю в глухую осень
Тихий грустный листопад
И задумчиво-угрюмый
Обнаженный старый сад.

Тихо падают на землю
Облетевшие листы...
Вижу я во всей природе
Увяданье красоты!

В тишине осенней ночи
Звезды шепчут: не грусти,
Если ты цветам увядшим
Шлешь последнее «прости».

Красота не знает смерти.
Верь бессмертью красоты!
С каждой новою весною
Будут новые цветы!

Декабрь, 1923 г.

В ГОРОДСКОМ САДУ

Над крутым обрывом, где сирень густая,
Где склоняет ветки над скамьею клен,
Я сидел сегодня, весело мечтая,
Как в былые годы счастлив и влюблен!

Подо мной, играя светлою волною,
Расцветало море в солнечном огне,
Тучки, пробегая, звали за собою,
И прощаться с ними не хотелось мне.

Золотистых тучек улетела стая...
Снова все как было и чего-то жаль...
Не зови напрасно, тучка золотая,
Не мани с собою в солнечную даль!

Как бы я тобою не был очарован,
Как бы не хотел я улететь с тобой,
Но незримой цепью я давно прикован
К мирной сельской жизни, к ниве трудовой!

Август, 1924 г.

СМЕРТЬ МУЖИКА

Ты устал в работе, трудной и суровой,
И теперь ты в праве мирно отдохнуть...
Место на кладбище для тебя готово,
Соверши последний недалекий путь!

Сколько злых насмешек в беглой панихиде:
«Ты из праха создан и отыдешь в прах!»
Позабудь земные горькие обиды,
И в сырой могиле жди небесных благ!

Все твои страданья, мелкие заботы —
Безотрадной рабской жизни канитель —
Теплыми словами вспомнят патриоты
И холодным снегом занесет метель...

26 декабря 1924 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

К поэме «Леонтий Хонахбей»

Дурум — чабанский домик на колесах.
Чернохор, Харахла, Сартана, Аргин — старые названия греческих сел Приазовья.
Паликарос — молодец, парень.
Хунах — друг, близкий человек.
Хаурма — блюдо из мяса.
«Свет глазам твоим»— форма поздравления.
Бекмез — патока.
Челпан — утренняя звезда.

К «Сказке о Волке и Лисе»

Купан — жесткая длинная подушка.
Рока — прялка.
Ай-Сотырос — церковный праздник.
Елпида — греческое женское имя (по-русски—Надежда).

Содержание

Литературно-художественное издание

Костоправ Георгий Антонович

ЗДРАВСТВУЙ, ЖИЗНЬ!

Стихи, поэмы

Составитель КОСТОПРАВ ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА

Зав. редакцией *В. С. Логачев*
Редактор *А. А. Немирова*
Художник *Н. А. Польшин*
Художественный редактор *В. Ю. Лукаш*
Технический редактор *Н. Х. Дмитриева*
Корректор *Г. Ф. Винокурова*

ИБ № 2179

Сдано в набор 26.01.89. Подписано в печать 03.05.89. БП 03755. Формат 70×90 1/32. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,68. Усл. кр.-отт. 4,68. Уч.-изд. л. 5,23. Тираж 2500 экз. Заказ № 5172. Цена 75 к.

Издательство «Донбас». 340002, Донецк,
пр. Богдана Хмельницкого, 102
Одесская книжная фабрика
РПО «Полиграфкнига», 270008,
Одесса, ул. Дзержинского, 24